

Code. Носители

Автор:

[Джон Маррс](#)

Code. Носители

Джон Маррс

Альфа-триллер

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА «THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ»

«Если хочешь сохранить секрет, надо скрывать его и от себя». – Джордж Оруэлл, «1984»

В XXI веке информация – бог. Но как ее защитить? Любое хранилище можно взломать, кроме...

Несколько обычных людей выбраны правительством для участия в уникальной программе защиты данных. После новейших биоинженерных операций они становятся ходячими тайниками, Носителями. Отныне их мозг содержит сверхсекретные сведения, зашифрованные в генетическом коде. Взамен они получили шанс решить все свои проблемы и начать жизнь с чистого листа.

Вместе Носители знают все грязные тайны, всю правду, скрывающуюся за каждой государственной ложью, за каждой теорией заговора. Но можно ли им доверять? Ведь у них тоже есть секреты, и они сделают все, чтобы их защитить...

Триллер в духе «Черного зеркала» от лауреата премии International Thriller Writers Award 2021

Лучший фантастический триллер-2021 по версии Wall Street Journal

«Роман прямо напрашивается: "NETFLIX, экранизируй меня!"» – My Chestnut Reading Tree

«С этой книгой я, словно кролик, выхваченный из тьмы фарами, зачарованно смотрел на источник света – и был безжалостно сбит тем, что оказалось за ним».
– Books from Dusk till Dawn

«Завораживающе и в то же время невероятно пугающе». – Totally Booked

«Увлекательный и крайне правдоподобный триллер Маррса поднимает интересные вопросы о нашем будущем, где наука станет играть первую скрипку». – Booklist

«Чрезвычайно мощная комбинация умного сюжета, проблем технофобии, конспирологического триллера и шокирующих личных историй». – SFX Magazine

«Маррс поистине блестящ в лихих поворотах сюжета и адреналиновой гонке повествования». – Питер Джеймс

«Шок на каждой следующей странице». – Wall Street Journal

Джон Маррс

Code. Носители

Нужно передать что-то важное – действуй по старинке: напиши от руки и пошли курьером. Ни одному компьютеру нельзя доверять, вот что.

Дональд Трамп

Если хочешь сохранить секрет, надо скрывать его и от себя[1 - Роман «1984»; перевод. В. Голышева.].

Джордж Оруэлл

John Marrs

THE MINDERS

Copyright © John Marrs, 2020

First published as THE MINDERS in 2020 by Del Rey, an imprint of Cornerstone. Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.

© Востриков М.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Поморщившись, он зажал нос и сквозь полумрак лестницы поднялся к двойным дверям впереди.

Офисное здание, куда входил Ли Далглиш, располагалось на берегу Темзы, в двух шагах от бывшей электростанции «Баттерси»[2 - Легендарное здание в стиле ар-деко, увековеченное на обложке альбома «Animals» группы «Пинк Флойд»]. На жаре прелый дух вечно сырых стен превращался в подобие гнилостного смрада.

Из следов человеческой деятельности в этой части здания были только два офисных стола, разломанный стул, вереница телефонных гнезд на стене и два разбитых телевизора под потолком. Обыкновенный заброшенный дом, дыра – так могло показаться любому несведущему гостю.

– Страной, в сущности, управляют не из Вестминстера, не с Даунинг-стрит[3 - Места расположения резиденций британского парламента и премьер-министра соответственно.], – объясняли Далглишу на утреннем брифинге несколько месяцев назад, – а вот из таких мест, у всех под носом. В этом-то и соль.

Он отдал холщовую сумку, мобильник, кошелек, планшет и пальто девушке-охраннику и шагнул в сканер полного досмотра. Четверых охранников Далглиш миновал на входе, эта была за сегодня пятой. И у всех на поясе висело по кобуре.

Всякий раз вид сканера выбивал его из колеи. К чему этот обряд? От смены к смене одна и та же песня, хотя ни одного правила из тысячи ты не нарушил. Так же не по себе обычно у стойки регистрации в аэропорту или на входе в «зеленый коридор» – будто на душе есть тайный грешок.

Далглиш открыл рот. По языку скользнул датчик слюны, и спустя миг вспыхнула зеленая лампочка.

– Проходите, – бросила девушка без тени улыбки.

Новенькая, судя по всему. Аккуратное лицо, большие голубые глаза с длинными ресницами – и в то же время очертания широких мускулистых плеч под белой футболкой и бронежилетом.

– Спасибо, – буркнул Далглиш себе под нос и стыдливо отвел глаза. Засмотрелся. Сильные женщины – как морально, так и физически – в равной степени пугали его и заводили.

Он положил руку на сканер отпечатков, подал голос в микрофон и одновременно подставил глаз анализатору сетчатки. После этого железная дверь впереди наконец-то отползла в сторону.

Винить за его нервозность следовало очередной душный март, результат глобального перегрева – старая история о потеплении в новой обертке. Окна у себя в квартире на втором он распахнул настежь, да только ночной клуб на первом, видимо, обновил акустику и всю ночь посылал ему нескончаемые волны басов. Провалиться в сон вышло только с комками туалетной бумаги в ушах, из-за чего будильник своей цели не достиг – не разбудил. А стоило пропустить хоть одну тренировку в зале, и Далглиш весь день был сам не свой, будто опять очутился в теле пухлого, затравленного подростка. Один раз – не беда, напоминал он себе, но все равно подмывало плюнуть на сверхурочные за опоздание и пойти крутить велотренажер.

Далглиш размял скованные плечи и направился в унисекс-раздевалку. Стянув всю одежду под бдительным взглядом очередного охранника, он сложил ее в шкафчик, только тогда ему выдали запечатанный комплект одноразовой, как всегда, униформы. Материал неизвестен, карманов нет, нигде не подвернуть – ничего не внести и не вынести. Стандартные футболка, штаны и сандалии. Белье и носки, само собой, под запретом.

Из раздевалки он направился напрямик за свой стол в открытом офисе без окон. Из коллег на месте были человек сорок – кто с планшетом, кто в наушниках, кто в шлемах виртуальной реальности. На стенах висели десятки мониторов с картинками дорог, мостов, неба и водоемов – и ни одной души или здания в кадре.

Далглиш тронул за плечо мужчину, тупо глазеющего в монитор перед собой.

– О, Ли. Привет. Что, уже? – Мужчина сладко зевнул.

– Уже, – Далглиш кивнул. – Было что интересное?

– Да куда там, – ответил Ирвин. – Маршрут резко не менялся, заряд батарей все так же на восьмидесяти, давление шин без изменений.

– Куда едем сегодня?

– Через час с небольшим будем на девяностой магистрали у моста Куинсферри-кроссинг, дальше в Перт и Данди. Потом поворот, и опять через всю Шотландию. К концу твоей смены, наверное, будем под Ньюкаслем.

Сняв наушники и смарт-очки, Ирвин бросил их в уничтожитель под столом.

– До завтра. – Он коснулся воображаемой шляпы.

Далглиш сел на место и ввел код к алюминиевому ящичку, взятому на входе.

Ящичек открылся. Внутри лежала новая пара «умных очков» и наушники. Готовый к работе, он достал из стола протеиновый батончик и устроился на стуле поудобнее.

Монитор, на который Далглишу предстояло смотреть до конца смены, показывал все ту же многодневную картинку: пустую кабину самоуправляемого трейлера. Дней в пути без остановки – семьдесят шесть, сообщала сводка в углу. Аккумуляторы заряжались дистанционно от ячеек под дорожным полотном, истертые шины по-змеиному сбрасывали верхний слой – и как новые. Трейлер размеренно ехал себе на девяноста километрах в час, самостоятельно строя маршрут. Задачей Далглиша было следить за его безопасностью.

С куском батончика во рту он просматривал отчет с бортового компьютера машины. Вдруг Ирвин солгал, вдруг недоглядел? Затем по камерам осмотрел тягач с боков, сзади и под прицепом – словом, везде. Не под силу было заглянуть только внутрь прицепа.

Со стороны трейлер ничем не отличался от себе подобных на британских дорогах: заурядный безбрендовый беспилотник, каких тысячи. А вот груз... Груз – другое дело. Его важность не переоценить. Всего горстка людей имела хотя бы смутное представление, что внутри – Далглиш в их числе; в детали были посвящены вообще единицы. Не счесть, сколько актов о неразглашении и запретов на любой вкус и цвет пришлось подписать.

Он обвел глазами коллег. Большинство всё так же не отрывали глаз от своих грузовиков. Двое глядели на самолет с солнечными батареями, кучка рядом наблюдала за палубой контейнеровоза, кружившего в Северном море. Курс временами менялся – автопилот вводил судно от штормов.

Далглиш повернулся обратно к своему экрану. Послеживая одним глазом за грузовиком, он в то же время листал новости на смарт-очках. Многозадачности

пришлось учиться долго, да и теперь временами к концу дня от перегрузки случалась мигрень. Сама работка-то, конечно, «хоть в петлю лезь от скуки», как он однажды сказал Ирвину: сиди, неделя за неделей созерцай грузовик в мониторе. «Как скоро, – думал Далглиш, – я взвою в отделе слежки и попрошусь на должность, где хоть как-то надо шевелить мозгами?»

Прошел час. Далглиш прикончил уже два sudoku кряду и решал третье, когда на экране вдруг что-то промелькнуло. Наверняка птица какая-нибудь, нечего и думать, – но должностная инструкция велела отмотать запись.

Он поднял очки на лоб, прокручивая видео. Оказалось, камера уловила не птицу, а дрон. В британском небе дроны – частые гости, и мимо трейлера нет-нет да пролетают, однако этому настырности было не занимать. Далглиш осмотрел его с двенадцати ракурсов. Дрон будто нарочно следовал по пятам за тягачом. Перспектива открывалась тревожная.

Ли поискал глазами начальницу – Доминика сидела за столом в углу офиса. Он не без волнения направился к ней.

– Дом, прости, что отвлекаю, но у меня там, возможно, код «желтый».

Она захлопнула ноутбук.

– Что стряслось?

Когда они вдвоем подошли к монитору, перед грузовиком маячили два новых дрона и еще несколько – сзади и по бокам.

Доминика буркнула что-то в наушник, и спустя миг слетелось еще начальство. В офис вошли двое мужчин и женщина со знакомыми лицами – Далглиш не раз видел, как они поднимались в здание, но никогда с ними не разговаривал. Все собрались у монитора. От толпы за спиной стало не по себе.

– У остальных все тихо? – крикнула Доминика на весь зал.

Послышались нестройные «да».

– А это еще что за хрень?! – забывшись, воскликнул Далглиш.

Кабину тягача накрыл полумрак, будто перегородили солнце. Далглиш переключил камеру и повернул объектив вверх.

Прямо над кабиной висело брюхо вертолета; в высоте лопасти рвали воздух.

– Нападение, – пробормотал один из начальников Доминики.

Тем временем на крышу грузовика спустились по веревкам трое. Тень рассеялась – вертолет ушел вбок.

– Они знают, что в трейлере.

– Откуда?! – поразился Далглиш в пустоту. – Скажите лучше, что мне делать?

– Жди моей команды.

Во всем зале повисла тишина. Трое на экране достали из рюкзака нечто продолговатое и закрепили на крыше. Ноги они переставляли неуклюже, как космонавты, – видимо, ботинки были на магнитах.

– Они не угоняют грузовик, а лезут в него на ходу! – воскликнула Доминика.

Пых! – и поднялось облако дыма. В крыше теперь зияла дыра размером с канализационный люк.

– Где сейчас грузовик? – спросил очередной начальник.

– На Эм-девятисто, у моста Куинсферри-кроссинг. Подъезжает к первой опоре.

– А трафик?

Далглиш глянул сведения с дорожных камер.

– Умеренный, заторов нет.

– Сторонний ущерб?

Доминика опустила глаза в свой планшет.

– Низкий, но с каждой секундой растёт.

К столу наклонился мужчина и стал лихорадочно стучать по клавишам. Сквозь запах его крема после бритья пробивался душок пота. На втором мониторе выскочило окно, куда мужчина вбил длинный код, а затем прислонил к экрану палец. На столе вспыхнула проекционная кнопка, как на лазерной клавиатуре.

– Подтвердите, – обратился он к Доминике.

Та глянула на монитор, где один из троицы только что нырнул в дыру.

– Подтверждаю. Код «красный».

Как только скрылся третий, изнутри вырвались пламя и черный чад, а тягач повело чуть влево. Набирая скорость, он миновал первую опору моста, и тут – все затаили дыхание – на ста двадцати пяти километрах в час смял отбойник и по дуге полетел в двухсотметровую бездну. Несколько секунд спустя его поглотили воды реки Форт.

Часть I

**** КОНФИДЕНЦИАЛЬНО ****

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО: ТОЛЬКО ДЛЯ ГРАЖДАН ВЕЛИКОБРИТАНИИ, УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ «А»

ЭТОТ ДОКУМЕНТ ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ПО ВОПРОСАМ КИБЕРШПИОНАЖА И РАЗВЕДКИ № 11.6

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ХРАНЕНИЯ СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

** Данный отчет является точной стенограммой вышеозначенного заседания. Во избежание утечки информации некоторые части текста вымараны **

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

.....

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Эдвард Карчевски, руководитель операции.....

Доктор Сэди Манн, руководитель Центра психиатрической экспертизы

Доктор М. Дж. Портер, ведущий нейробиолог

..... , Министерство обороны,

Портон-Даун

..... , МИ-5

Уильям Харрис, глава Центральной разведывательной службы Его Величества

ПРОЧИЕ УЧАСТНИКИ СОБРАНИЯ:

Премьер-министр Диана Клайн

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Госпожа министр, раз вы впервые на заседании комитета, позвольте кратко ввести вас в курс дела...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Прежде всего, Эдвард, прошу отметить в протоколе мое крайнее возмущение. Я узнала о программе лишь в последние сутки! До этого меня нарочно держали в неведении, поэтому учтите, что я намерена провести внутреннее расследование причин такой скрытности.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: И можете рассчитывать на наше полное содействие. Все же надеюсь, что к концу заседания вы войдете в наше положение и смените гнев на милость. Итак, два с половиной года назад так называемый Хакерский коллектив взломал сеть беспилотных автомобилей по всей стране и перепрограммировал их на взаимные столкновения. Ужасный теракт. За день в Великобритании погибли пять тысяч человек – рекорд со времен эпидемии коронавируса в две тысячи двадцатом. Коллектив назвал это «нравственным хактивизмом» во имя высшей цели – предать огласке, что власти на свое усмотрение переписали сценарий автопилота «жизнь или смерть»: при аварии учитывались только социальноэкономические факторы, а не количество спасенных жизней. Система считает тебя ценным человеком? Скорее всего, выживешь. А нет...

УИЛЬЯМ ХАРРИС: Отмечу, что вина лежит не на всем правительстве – только на отдельных лицах.....

..... , – все понесли наказание. Кроме покойного Джека Ларссона из Парламента.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Жаль его, но смерть закономерна – он ведь, можно сказать, и заварил эту кашу. И все равно – бомба от Коллектива в машине, да еще и в прямой трансляции...

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Да, неприятно. В общем, судя по всему, тот взлом был только верхушкой айсберга. Коллектив сменил подход. Теперь они крадут данные из госхранилищ с целью выкупа. Первыми были Турция и Албания. Взломали 5G, и вся государственная сеть приказала долго жить: дата-центры, чрезвычайные службы, платежные системы, – даже светофоры. Досталось электростанциям, и вся страна обесточилась; спутники слетели с орбиты и благополучно сгорели. Обеим странам пришлось раскошелиться на десятки миллионов биткойнов, иначе так и остались бы в каменном веке. Дальше – Эстония и Румыния, и с ними еще страшнее. У последней Коллектив выкрал всю конфиденциальную информацию, от военных карт до координат госрезервов, и грозился обнародовать, если не заплатят.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: И как же Коллектив выкрал данные?

..... , МИ-5: Из дата-комплексов, как этот наш бункер, – там хранилось все тайное. Охраняй, не охраняй, а одного не изменить: бункер всегда на месте. Вот враг и вычислил, где. Коллектив заполучил ключи шифрования, а с ними доступ ко всей биометрике, кодам, камерам – через автоматику охлаждающей системы, там защита была самая слабая. Так и добились своего.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Что сейчас с обеими странами?

..... , МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ: Утром спутник снял, что Россия оккупировала север Эстонии. С полей доносят, что и юг на грани капитуляции. Румыния выкупила коды от своего оружия, и на границах

покой, но страна теперь банкрот. Сегодня пытались атаковать Саудовскую Аравию. Назревает глобальный киберкризис.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: И Великобритании он грозит? Какой уровень угрозы?

..... , МИ-5: Четвертый из пяти.

УИЛЬЯМ ХАРРИС: То есть миллиарды, которые мы вложили в оборону и цифровую защиту, выброшены на ветер?

..... , МИ-5: Нет, но опасность растет. У нас все доступные программисты день и ночь трудятся над защитой серверов, но битва заведомо проиграна. У врага квантовые компьютеры – во сколько, в миллиард раз мощнее наших? Что им шифры? Нет, в защитных технологиях мы на шаг позади. Убегаем по прямой от пулемета с бесконечной лентой. Рано или поздно да словим пулю.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Так что же, полмиллиона человек зря гибли за нашу свободу в двух мировых войнах? Так, да? Чтобы сто лет спустя невидимый безликий враг украл у нас все, чем мы дорожим?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Не украдет, если красть будет нечего.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: В смысле?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Полгода назад было принято решение перенести все наши госархивы в офлайн.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Кем принято?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Проект вообще-то давний, сверхсекретный, запущен до вас. Суть проста: переносим все наиболее щепетильное из Сети на жесткие носители и перевозим их с места на место. Мы выбрали семь трейлеров, самолет и сухогруз. Все непрерывно движутся по замкнутому курсу, а на борту – материалы не для глаз общественности. Несколько месяцев все шло гладко. До вчерашнего дня. Один грузовик подвергся нападению, и на программе пришлось поставить крест.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: «Материалы не для глаз общественности»? Конкретнее.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Некритичные для работы достоверные данные. До цифровой эпохи такое хранилось в тайных лондонских архивах, сейчас – в скрытых дата-центрах по стране. Куда после инцидента с трейлером все и вернулось. Комплексы охраняются под стать военным объектам, сейсмоустойчивость по Калифорнийской шкале – высшего класса... но воров это не остановит. Найдут лазейку. Дело времени. Поэтому-то я предлагаю новый способ хранения информации.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Еще тягачей попросите? Бред сумасшедшего... Как это вообще одобрили?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Тягачи в прошлом. То была временная мера, пока не найдем другие способы защитить секреты от злоумышленников. Большая просьба: когда вникнете в суть, не рубите сплеча. Итак, попрошу внимание на экран.

**** ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ включает монитор при помощи сенсорной панели ****

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Фигуры какие-то, цифры, буквы... Что это за мешанина?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Ключ, который поможет нам защитить страну.

Глава 1

Флик, Лондон

– Да ладно! – крикнула Флик в экран телевизора. – Вам в жизни столько не заплатят!

На экране светилась сумма за лот почти в полмиллиона фунтов. Молодая пара на фотографии, отремонтировавшая старую лачугу, сияла довольством. Флик же в шоке мотала головой. Кто нон-стоп поглощает дневной телешлак, тому немудрено стать диванным экспертом по части недвижимости.

Флик выудила сигарету из пачки на кофейном столике и прикурила от грошовой зажигалки. Табак едва слышно зашелестел при затяжке – знакомый и приятный звук. Она долго втягивала дым полной грудью, пока от горечи и жара не запершило в горле. При такой цене за пачку приходилось ограничивать себя и смаковать каждое мгновение. Эта сигарета, впрочем, была уже четвертой за утро.

Экран внезапно разделился надвое; перед Флик предстал человек у входной двери. Пришедший хоть и глядел себе под ноги, но камера безошибочно распознала в нем Тео, одного из братьев Флик. Она и бровью не повела, только затянулась еще раз. Тео позвонил раз, другой, затем нагнулся к почтовой щели в двери.

– Я знаю, что ты дома! Изнутри куревом несет!

Флик закатила глаза. До чего не хотелось видеться сегодня с родными – да и, по совести, не только сегодня. Притвориться, будто дома никого? Поверит, как же... Она всегда дома.

Флик бережно затушила сигарету на потом и напшикала облако освежителя из баллона. Спустя три задвижки, две защелки и код безопасности дверь открылась. Младший из четырех братьев окинул Флик оценивающим взглядом.

– Видок – говно, – фыркнул он.

– Бороду отрастил, – заметила она. – На деда похож.

– Давно отрастил, ты уже видела.

Флик поежилась.

– Ты про нас уже забыть успела – так давно не виделись. Нет бы поднять зад с дивана, навестить семью...

– Если на мозги капать приехал, лучше...

– Приехал свежего воздуха к тебе запустить.

Сквозь щель меж задернутых штор лился свет, наискось прорезая сизую дымку комнаты. Первым делом Тео распахнул шторы и скользнул пальцами по кофейному столику. В пыли запечатлелись три глубокие борозды. И без того было ясно, что брат не в восторге. Еще бы: полная раковина посуды, куча грязной одежды на кухонном полу, две забитые доверху мусорки, ящик пустых винных бутылок и утыканная окурками пепельница. Зрелище то еще, и Флик это понимала.

Понимала. Считала ли себя виновной? Вот еще. Черная полоса в ее жизни началась из-за одного человека. Всему виной он! Однажды кто-то любезно выложил в интернет фото его квартиры, и Флик тогда задумалась, стерпела бы сама такую чистоплотность. Видимо, он помешался на домашнем порядке в противовес хаосу – другой своей стороне. Флик не нарвалась по чистой случайности, тут и думать нечего... и все же в глубине души она задавалась

вопросом: «А вдруг я его излечила бы?»

– На звонки и сообщения ты не отвечаешь, так что позвонил в твой ресторан, – продолжил Тео. Флик молчала. Понятно, к чему он клонит. – Представь, как я удивился. Говорят, ты наняла менеджера, а сама по личным обстоятельствам вышла в отпуск... Год назад.

– Ну да, бессрочный отпуск. – Она пожала плечами. – И что с того?

– А что за причины?

– Личные, сказано тебе. Отпуск у всех бывает.

– Ты не от работы отпуск взяла, а от жизни. Так и убиваешься по той сволочи?

– Ты о ком?

Глупая попытка. Оба знали, о ком речь.

– Так нельзя, Фелисити. Сама понимаешь. Да, с ним не повезло, но на нем свет клином не сошелся.

– Мы совпали по тесту, – ответила она.

– У многих пар результат был подтасован. Вдруг и у вас?

– Наш тест совпал уже после того! – отрезала Флик, как бы ставя точку.

Тео не имеет права. Пусть замолкнет.

Флик как вчера помнила то письмо, гласящее, что ее ДНК-пара найдена. В прошлом ученые открыли ген совместимости, одинаковый только у двух людей на всем свете. Пол, вера, возраст и местожительство – ничто не имело значения: природа предназначила вас друг для друга. Две половинки одного целого. За каких-то пару лет программа свела несчетное число пар по всему миру, а в сумме участников было уже под два миллиарда. Всего-то и требовалось, что

сдать мазок из полости рта.

Флик узнала результат спустя несколько месяцев после подлой хакерской атаки, подтасовавшей не одну тысячу результатов. И к тому моменту возможность встречи со своим ДНК-партнером уже исчезла. Его убили.

Она было только-только отошла от этого удара, как нагрянул следующий – безжалостный, опустошающий. Выяснилось, кто он такой.

Тео хлопотал в гостиной: собирал бумаги, одежду с пола, выбрасывал фантики и пустые пачки из-под чипсов.

– Я тебе добра хочу, – гнул он свое. – Мама за тебя волнуется, и папа, и все мы. Ты даже на шестидесятую годовщину бабушки с дедушкой не приехала.

– И как я не подумала... – Она театрально хлопнула себя по лбу. – Сидеть, и чтобы все вокруг напоминало: не полюбят тебя вот так, не видать тебе брака на шестьдесят лет...

Тео промямлил что-то под нос и стал забрасывать одежду в стиральную машину.

– Так, а ну положи, где было. Там цветное, надо сортировать.

– Да ну, а я-то и не заметил, что свинарник по цветам разложен...

– Не трожь, говорю! – огрызнулась она, но брат и ухом не повел – молча достал из машины пустой картридж для стирки.

– Есть у тебя еще?

– Тео, последний раз говорю, хватит!

Он принялся заглядывать в кухонные шкафчики, и тут у Флик сдали нервы. Она хоть и уступала брату в размерах, а тут подлетела и ловко заломила ему руку за спину. Затем пинком подтолкнула к двери.

– Дура! Я помочь хочу!

– А кто просил?! – рыкнула Флик.

Руку Тео она отпустила только за порогом.

– Говорю тебе как брат и как друг, – продолжил он, разминая руку. – Пара вы или не пара – что теперь, крест на себе ставить?!

Флик вытерла глаза рукавом джемпера и захлопнула дверь с улыбкой, проникнутой самой горькой тоской.

Затем рухнула на диван, перебирая в уме слова брата. Во всем он прав. Во всем, кроме одного: о любви теперь можно забыть. Не любить ей больше и не быть любимой – эту возможность у нее жестоко отобрали, вырвали с корнем. Каким счастливым теперь казалось время, когда первой мыслью поутру было: «Пришло ли письмо?»...

Ведь тогда в душе еще была надежда. Теперь – только пустота.

Страхнув пепел с погасшей сигареты, Флик вновь прикурила и уставилась в новости по телевизору.

– Выставка анонимного художника, открытие которой состоится сегодня вечером, уже стала предметом горячих обсуждений, – говорили с экрана. – Идея выставки навеяна событиями трехлетней давности, а именно чередой убийств в Лондоне, повлекшей за собой одну из самых масштабных розыскных операций в истории страны.

– ТВ – на паузу! – крикнула она.

Сердце загрохотало. Так, нужно взять себя в руки. Даже три года спустя терзавший столицу маньяк, чей террор так внезапно оборвался, не сходил с языка.

– ТВ – продолжить! – скомандовала она, и новостная студия на экране сменилась арт-галереей с портретами маслом всех до единого трупов, даже страшно

изувеченных.

У Флик желудок подкатил к горлу.

– По словам анонимного художника, выставка направлена на то, чтобы почтить память жертв, и не имеет цели нажиться на их смертях. Тем не менее родственники погибших выражают крайнее возмущение, называя выставку «аморальной», и призывают бойкотировать ее.

– ТВ – выключить!

В комнате воцарилась тишина. Флик подошла и распахнула двери узкого балкончика; кожу лизнул ветерок. У нее перехватило дыхание. Она так давно не выходила из четырех стен, что уже забыла это ощущение.

Флик мечтала лишь об одном: забыть этот период жизни, как ночной кошмар, – да только что жизни до твоих желаний! Вчера ночью ей опять явилась во сне тринадцатая жертва, Келли с колечком в носу, которую Флик взяла к себе в ресторан официанткой всего за месяц до ее убийства.

Только спустя долгие недели после той трагедии Флик Кеннеди узнала, что смерть и ужас по столице сеял некто Кристофер Бейли – человек, значившийся по ДНК-тесту любовью всей ее жизни[4 - Речь идет о Кристофере, маньяке-убийце из романа Дж. Маррса «The One. Единственный».]

Глава 2

Чарли, Портсмут

Чарли продирался по веранде паба с пинтой в одной руке и закусками в другой. Протискиваться сквозь толпу, да еще не опрокинуть пиво – фокус не из легких, но все же он добрался до деревянного стола со скамейками и табличкой «зарезервировано».

Шли отборочные игры к чемпионату мира по футболу, на поле – непримиримые Англия с Германией, да еще и домашняя игра. Все говорило об одном: на улицах сегодня будет куда шумнее, чем в обычную буднюю ночь. Проигравшей сборной не видать чемпионата в следующем году – значит, последний шанс.

Чарли обвел взглядом привычное окружение. Едва достигнув совершеннолетия, они с друзьями обозначили «Парик и Перо» местом всех своих сходов – как по делу, так и для души. Традиция велела прийти сюда и сегодня.

Устроившись, Чарли пригубил лагера и бросил взгляд на часы: до начала матча оставалось пятнадцать минут. Он перевел глаза на огромную проекцию во всю стену. Именитые комментаторы строили прогнозы об исходе матча, но их голоса тонули в фанатском гаме вокруг.

– Свободно? – отрывисто раздалось над ухом Чарли.

К нему обращался заметно раздраженный мужчина с компанией за спиной. Чарли невольно покраснел под их взглядами.

– Простите, занято, – пролепетал он.

Мужчина явно хотел взвиться, но в последний момент передумал и только развернулся с невнятным бурчанием.

Его можно было понять. То еще удовольствие топтаться на ногах, когда прямо перед тобой караулят пустой стол на семерых. Чарли не помогло даже напомнить себе, что стол заказан за неделю, – чувство вины не отпускало.

Ни одна душа в этом пабе представить себе не могла, что для него значил этот вечер. Последний раз они с друзьями собирались всемером два с половиной года назад. То была свадьба Терри Стелфокса, ставшая началом конца их давней, еще с младших классов, дружбы. Чарли наивно верил, что, раз даже их не разлучили годы учебы в разных университетах, им все нипочем. А ДНК-тест на любовь... об этом он как-то и не задумывался. Сначала один нашел идеальную вторую половинку, за ним другой, третий – так все и покатилося. Сам же Чарли отставал от друзей. Ему только предстояло найти пару. Кто бы мог подумать, что в свои двадцать с лишним он будет так страдать от одиночества...

Чарли вновь глянул на заставку на стене. До начала игры оставалось четыре минуты. Он уже прикончил закуски и теперь взялся за собственные ногти – впивался зубами так, что пальцы аж пульсировали. Достал из кармана успокоительный пластырь размером не больше горошины и наклеил изнутри на предплечье.

В ожидании эффекта вставил наушник и открыл автоответчик в мобильнике.

Первое сообщение прислал Трэвис: «Прости, приятель, у меня сегодня никак. Близнецы разыгрались, а Лиза с ног валится. Давай в другой раз, о'кей?»

Второе было от Стелфокса: «Сегодня? Блин, я с тещей и тестем ужинаю».

Все остальные – в том же духе.

Чарли не шелохнулся, когда по веранде прокатились возбужденные крики – на поле вышла английская сборная, и из колонок грянуло «Боже, храни короля». Игроки разошлись по местам, судья свистнул. Матч начался... Однако спустя пару минут в одиночестве весь настрой у Чарли как ветром сдуло. Он залпом прикончил пинту и направился к выходу.

– Ну что, одинокий, теперь-то свободно? – съехидничал мужик с недовольной миной.

Уязвленный Чарли хотел было дать волю обиде, но пустой стол и вправду говорил сам за себя. Укол попал в цель, точно и беспощадно.

На улице Чарли через приложение заказал что-то наугад из любимого китайского ресторана и, отстегнув велосипед, покатыл домой. Спустя пятнадцать минут на пороге уже ждал ужин на одного, а дрон-курьер был на полпути обратно в ресторан.

Дома Чарли открыл термокартонные коробочки и прямо так, не раскладывая, принялся за еду. Ремень жал, пришлось расстегнуть. Со дня, как их компания перестала играть в футбол по воскресеньям, килограммы медленно, но верно наплывали. Чарли с тоской вспоминал братский дух, и как в субботу ночью наезжали в город, а поутру себя не помнили от похмелья – и в таком состоянии

умудрялись играть. А затем всех ждал плотный обед в пабе.

Вот была жизнь...

Осознание, что как раньше уже не будет, свалилось на Чарли довольно неожиданно. Они тогда сидели, и Стелфокс сболтнул, что компания и с женами иногда собирается, и с детьми – и все, конечно, без него. «Охота тебе нашу семейную скукотень терпеть!» Он тогда тихо угукнул, но вообще-то «семейной скукотени» как раз и жаждал больше всего в жизни.

Сегодня то чувство отбракованности вновь встало в душе в полный рост. Вот будь он смелее, возьми да и порви контакты, что изменилось бы? Когда бы они вспомнили о старом товарище? Через день, неделю, месяц? Или он просто стал бы очередным туманным образом из их былой жизни?

До чего Чарли теперь корил себя за малодушие – за то, что вцепился мертвой хваткой в прошлое и не желал отпускать! Прямо как с голосовыми сообщениями двухлетней давности, которые слушал в пабе. Ему больше никогда не повидаться с друзьями. И в этом повинен только он один.

Чарли прилепил еще один успокоительный пластырь, и еще. Затем взял планшет и принялся листать конспирологические форумы, где за последнее время стал завсегдатаем. Раньше его лишь сместили безумные теории заговора про инопланетян, убийства политиков и украденное оружие массового поражения – то была территория шизиков в шапочках из фольги, которым дай только притянуть за уши какую-нибудь чепуху и на ее основе раздуть очередную небылицу.

Но как-то раз он зашел на один такой сайт в поисках ответов о событии, разделившем жизнь на «до» и «после», и осознал: не такие уж и шизики эти «шизики». Они преследовали цель отыскать правду в мире, где любой намек на нее погребен под тоннами недомолвок и откровенной лжи. Вскоре Чарли посещал эти сайты по несколько раз на дню, поддерживая беседы, высказывая мнение.

Он отказывался верить итогам официального, наспех проведенного расследования. Между тем чувство вины за случившееся плющом оплетало его по рукам и ногам, так и норовя задушить. Оттого же и его хроническая

тревожность, разрыв с семьей и вечно хмурое облако на лице.

Хотите начать жизнь с чистого листа? Кликните!

Эта головоломка не по зубам 99 % британцев! Рискнете?

Чарли уже занес палец над ссылкой на очередной полюбившийся форум, как вдруг сбоку промелькнула реклама.

Чарли не составило труда распознать фигуры и слова в нагромождениях букв, темных пятен и очертаний. То ли дали о себе знать его навыки программиста, то ли сыграла на руку графемно-пространственная синестезия, благодаря которой числа сами выстраивались у него в голове, словно по готовой схеме[5 - Синестезия – особенность высшей нервной системы, при которой существует неразрывная связь различных областей восприятия, в норме не связанных; графемная синестезия – такая, при которой знаки письменности (графемы) воспринимаются не сами по себе, а как сцепленные с другими явлениями, например с цветовым спектром или пространственными координатами; здесь идет речь как раз о последнем случае, так называемой числовой линии (индивидуальной для каждого синестета), когда числа видятся занимающими строго определенное место в пространстве.].

– И вот это кому-то не по зубам? – пробормотал он и стал перемещать фигуры и объекты по экрану, понемногу придавая изображению осмысленный вид.

Только так он мог хоть на мгновение забыть и не видеть перед глазами лица тех, кого он помог убить.

Глава 3

Шинейд, Бристоль

– И вот в этом ты собираешься пойти? – раздался голос Дэниела.

Шинейд вздрогнула от неожиданности. Она клеила накладные ресницы в такой глубокой задумчивости, что не заметила мужа в зеркале.

– Ну да, – ответила она, разглаживая рукав своего желтого платья. – А что?

Муж стоял в дверях в смокинге, белой рубашке и с черной бабочкой. Носки его начищенных ботинок блестели на свету. Статный, подумала Шинейд, точно как на фотке в интернете, которой ее и покорила.

– Мы же вроде сошлись на фиолетовом? – спросил он не без разочарования в голосе.

– Правда?

Шинейд не один день подбирала платье на корпоратив Дэниела и думала, что выбрала устраивающее обоих. Прежде, когда одежду она покупала без его надзора, ни за что не обратила бы на такое платье внимания. Подол до лодыжек, рукава до запястий – точь-в-точь старая дева. Однако Дэниел подарил его с такими горящими глазами... Разве можно было огорчить мужа?

– Желтое повеселее, нет? Как раз для Пасхи. Разве не подойдет? – спросила Шинейд.

– Может, и подходило раньше, когда только пришло из магазина, да только...

Она повернулась к мужу:

– Что?

– Ну, сама понимаешь...

– Не понимаю.

– Солнышко, не загоняй меня в угол. Это нечестно.

– Говори уже.

– Да узкое оно, – он вздохнул. – Облегает в разных там местах...

– Намекаешь, что я поправилась?

– Что ты! Просто наверняка будешь сравнивать себя с другими женами, ну и...

– Так, значит, ты считаешь, я себя запустила... – Шинейд поникла.

Дэниел закатил глаза.

– Я такого не говорил. Просто... ты ведь забросила спортзал, да? Я купил тебе абонемент на год, тренера нашел, а ты всего два раза сходила.

– Ты следил?

– Случайно встретил Мигеля в раздевалке. Он сказал, что тебя после второй тренировки так и не видно.

– У меня дела.

– Зачем тогда просила тренера?

– Я не... не просила, – растерялась она. – Ты сам сказал, что нужно быть в тонусе.

– Нет, ты спросила, надо ли скинуть немного. Если не считала, что у тебя проблемы с весом, зачем тогда спрашивать? Я, сама знаешь, человек дела и для тебя пойду на все. Прочитал между строк твою просьбу – как уж тут не помочь? – Он покачал головой. – Меня твоя забывчивость иногда пугает, ей-богу.

Шинейд вообще-то не помнила такого разговора, но Дэниел не солгал: он и впрямь человек дела. Решит даже те проблемы жены, о которых она и не подозревает.

– Так что, наденешь фиолетовое, в котором тебе лучше? Хочешь, украшения подберу?

– Ну ладно. – Сдаваясь, она вздохнула и вновь посмотрела в зеркало.

Может, Дэниел и прав. Сколько раз он говорил, что Шинейд – творение незавершенное и он хочет для нее только лучшего...

Муж поцеловал ее сзади в шею. Она лишний раз критически пригляделась к накладным ресницам. Напомнила себе: «Мне с ним повезло. После случившегося любой другой меня бросил бы».

И все же глубоко-глубоко в душе? скреблось какое-то едва уловимое чувство.

* * *

Со стропил облагороженного амбара свисали белые гирлянды и фонарики. Одна из стен утопала в каскадах белых роз, на круглых столах виселись метровые вазы с букетами.

Полк вышколенной прислуги лавировал меж десятка столов вокруг танцпола с десертами на подносах. Шинейд глянула на пеструю тарелку перед собой, затем на мужа, и скромно попросила официанта забрать. Десерт наверняка пальчики оближешь, как и все четыре блюда, и без мужа она не сдерживалась бы, – но сегодня треть порции оставляла на случай, если Дэниел бдит и считает калории.

По дороге из дома до загородного отеля Шинейд заметно сникла. Вдруг и впрямь окажется белой вороной среди ослепительных коллег мужа по медиа? После прошлого корпоратива Дэниел как бы невзначай заговорил о косметических инъекциях и о том, что не припомнит на выразительном лице жены такой усталости. Он даже взял на себя смелость записать ее в клинику.

На каждом столе лежал планшет для выбора музыки. Джоанна, жена коллеги Дэниела по команде, знакомая Шинейд, передала ей девайс с соседнего места.

– Давай выберу, – предложил Дэниел.

– А я? – переспросила она.

В его красноречивом взгляде читалось: «Сама все понимаешь».

Она вздохнула.

– Я думала поставить Эда Ширана, он мне нравился в годы учебы.

– Ширана? – Дэниел усмехнулся. – Только его здесь не хватало...

– Его вообще-то раньше многие любили, – вмешалась Джоанна.

– Вы простите мою жену, – продолжил он. – Атмосферу чувствовать не умеет. И любит слушать старье. Можно сказать, просроченное. Кому оно нужно, да?

Шинейд потупила глаза на манер отруганной собаки.

Дэниел обнял ее за плечо и притянул к себе. Восторг мужа к тяжким гитарным риффам она не разделяла, но в музыке он дока, а значит, его вкус лучше – так он сам уверял. Но от его песен всегда вспыхивали темные цвета, а ей и так по жизни хватало мрака.

Шинейд не раз пыталась описать свои ощущения при звуках музыки: как ноты рождают в голове цветные всполохи. Бывает, услышишь песню, и вдруг невольно накатят воспоминания – так и тут.

«Раньше тебя за такое в лечебницу упекли бы!» – смеялся Дэниел.

На том все и кончилось.

– Как ремонт? – спросила Джоанна. – Вы, кажется, в прошлый раз обновляли квартиру.

– Да мы так, по мелочи: стены, обои... – ответила Шинейд.

Перед глазами возникла одна-единственная комната, куда не хватало смелости войти даже с новым интерьером.

– Я вот жить не могу без перестановок, – продолжила Джоанна. – Тим всякий раз бесится, а я на седьмом небе! Как свежего воздуха глотнула.

– У нас дизайн на Дэниеле. Его вкусам непросто угодить.

– Я вам поражаюсь, – протянула сослуживица и скривилась, будто сглотнув желчь.

Шинейд удивилась такой реакции. Дэниел любого умел пленить своей заразной живостью и упорством, всегда находил подход к людям и перетягивал на свою сторону. Это добавляло ему шарма, особенно в первые годы. Такие мужчины – редкость.

Он жестом подозвал официанта.

– Мне ром с колой. Джоанна?

– Красное вино.

– А мне джин-тоник, пожалуйста, – сказала Шинейд.

– Может, что послабее? – вставил муж.

– О, моя песня, – заметила Джоанна. Заиграла Эми Уайнхаус. – Помните ее?

Шинейд кивнула. Ее покойная мать очень любила Эми.

– Идем-ка, – продолжила Джоанна. – Тряхнем стариной.

Она подняла Шинейд за руку. Та напоследок бросила взгляд на мужа, чья кислая физиономия подпортила радость момента. Весь танец ей хотелось провалиться сквозь землю, и едва песня кончилась, Шинейд поспешила обратно к Дэниелу. Тот только обдал ее молчаливым взглядом и ушел в туалет.

В это мгновение ей на плечо легла рука Джоанны.

– Ты зачем это терпишь, а?

– Что терплю?

– Не прикидывайся дурой, какой он тебя выставляет. Я больше не в силах молчать, ты уж прости. Он всякий раз с тобой на корпоративах не как муж, а как хозяин. Унижает поминутно. Несколько лет назад ты радовалась жизни, источала уверенность, а теперь без благоверного и слово боишься сказать... Он тебя изводит, ты с ним сама не своя! На лбу написано: ты хочешь большего, но как найти, не знаешь. Дэниел тебя душит, не дает расправить крылья!

Шинейд уже хотела заступиться за мужа – будто Джоанна не знает его вовсе, не в курсе, как он помог ей пережить худший миг жизни. За это она ради него на все готова. Да, порой он перегибает палку, но в душе вообще-то совсем другой. Он хочет для жены лучшего.

Однако впервые в жизни она не решилась встать на его сторону.

– Только без мужа ты заживешь полной жизнью, – сказала Джоанна. – Иначе он будет вытирать о тебя ноги все больше и больше. Начать с чистого листа никогда не поздно.

Глава 4

Эмилия

По телу Эмилии пробежала судорога, будто в макушку вонзилось что-то острое и наэлектризованное. В глазницах пульсировало; она выгнулась дугой, повернула голову набок и попыталась издать вопль. Тщетно. Из пересохшей гортани не вырвалось ни звука.

Надо отпихнуться руками, защититься! И опять ничего: руки плетью лежали вдоль тела. Пальцы нащупали, судя по всему, простыню. Эмилия не без труда

раскрыла глаза – сухие настолько, что все вокруг в ярком свете смешалось в пестрое месиво. Она интенсивно заморгала, и только тогда в них вернулась влага.

Вскоре помещение начало обретать очертания. Так, рядом никого. Ее пальцем не тронули, даром что боль выжигает огнем все тело. Вялые руки еле слушались – далеко не сразу удалось подтянуть их к пульсирующей макушке. И вновь ничего. Ни проводов, ни электродов. Неужели разряд приснился? Но больно было, как наяву...

В голове навязчивой мыслью билось: «Встань и осмотрись». Эмилия с трудом, сантиметр за сантиметром, подталкивала себя, пытаясь сесть на койке. В ладонях забегали иголки. Приняв почти вертикальное положение, она несколько раз сжала кулаки, разгоняя кровь и восстанавливая чувствительность. Дрожащими пальцами потянулась к бутылке на прикроватном столике – сначала понюхала и только затем стала пить, пока жажда не отступила и не прорезался хотя бы шепот.

Эмилия обвела глазами незнакомое помещение. В голове носилось: «Где я? Как здесь оказалась? Что это за место? Я хоть свое имя помню?»

– Эмилия, – тихо просипела она.

Вдруг пришло осознание: а кроме имени-то в памяти – пустота. Накатила волна паники.

Эмилия нащупала, что под койкой хватит места спрятаться в случае опасности. Так, а чем отбиваться? Она стала водить глазами по сторонам, как вдруг спохватилась: а откуда вообще страх нападения? Неизвестно, но так твердило предчувствие – пока что единственный ее верный союзник.

Помещение с виду напоминало отдельную больничную палату, хотя и без обычной больничной атрибутики. Не было стульев для навещающих, в углу стоял какой-то прибор экраном в стену. По всему телу под серой толстовкой и тренировочными штанами обнаружились полупрозрачные наклейки сродни пластырям. Она поискала на себе раны, повязки и следы лапароскопии – чисто. Ни следа хирургического вмешательства.

«Я что, в коме пролежала?»

Предположения вихрились ураганом. Наверняка было ясно одно: здесь почему-то опасно и надо тотчас спастись. Да только куда? Где она живет? Никак не вспомнить. Как выглядит дом, кто соседи? Кто семья, друзья? Что с работой и хобби?

Впустую. В мозгу – белая пелена. И это пугало сильнее всего.

На глаз до двери было шагов двенадцать. Она подтащила ноги к краю койки и опустила их на кафельный пол. Вдруг послышался шепот, и Эмилия оглянулась, но по-прежнему не увидела ни души. Должно быть, послышалось.

Пяткой она что-то нащупала – оказалось, под койкой стояли кроссовки. Потертая подошва говорила о том, что их носили.

Зачем коматознице обувь?

Эмилия натянула кроссовки – пришлось впору. Дальше выяснилось, что, пусть и нетвердо, но все-таки она ходит. Прошла через помещение к прибору у стены в надежде хоть немного пролить свет на свое загадочное положение.

Аппарат оказался сенсорный. Она потыкала в иконки, и вскоре он ожил. В памяти нашлось видео ее пустующей кровати. Устройство явно было Эмилии не в новинку, настолько ловко она с ним управлялась, и спустя миг под видео возникла шкала. Так, что там было до пробуждения?

Вот Эмилия лежит: глаза и рот распахнуты, не шевелится – будто зомби. Она поежилась.

«Что же такое со мной делали? И зачем снимали?»

Она перемотала на двенадцать часов вперед, когда в помещение вошли двое в белой одежде и подняли ее на ноги. С их помощью она выползла за дверь с видом сомнамбулы – каменное лицо ничего не выражало, а глаза остекленели, как у трупа. Вот все трое вернулись, и один стал кормить ее с ложечки, а другой расправил смятую постель. Затем ее опять уложили и оставили в одиночестве –

с тем же фарфоровым лицом.

Эмилия понажимала на экран, и картинка разделилась на четыре: двое мужчин и две женщины сидели каждый за столом в скудно обставленных комнатах, не подозревая о ведущейся съемке.

Мысль бежать жгла все сильнее, и Эмилия подступила к двери из матового стекла без ручки, сбоку от которой на стене красовалась сенсорная панель. Она замялась, не решаясь дотронуться, и тут вновь наитие: отковырни панель. Под ней обнаружилась клавиатура на экстренный случай. Она вбила код из букв и цифр, выжидая секунды в промежутках, и затаила дыхание. Вспыхнула зеленая лампочка, дверь открылась. Сжав кулаки, Эмилия шагнула за порог.

Снаружи расходилась сеть коридоров с огоньками от датчиков движения. Эмилия тихо ступала все дальше и дальше, боясь пикнуть, – иначе точно жди беды. Память как будто сама подталкивала в нужном направлении, но отчего, почему? Вспоминать было некогда, пришлось довериться инстинктам. Из-за закрытых дверей то и дело доносились шепот и голоса, но чьи – не получалось увидеть.

Восемь коридоров, восемь дверей – ко всем подошел тот самый код, – и вот Эмилия наткнулась на девятую, приотворенную. За ней растянулись вереницы жестяных шкафчиков, из пары-тройки незакрытых выглядывала одежда. Беглые поиски обнаружили куртку в пору и синие джинсы. Выйдя обратно в коридор, Эмилия направилась дальше, к металлической лестнице в подвал. Десятая дверь привела к темному сводчатому тоннелю, такой широкой кирпичной трубе. Эмилия помялась. Потемки такие, что дальше вытянутой руки не видно, но выход там, впереди – она знала наверняка!

Эмилия зашагала вдоль кирпичной стенки во тьму, и в следующую секунду дверь за ее спиной с лязгом захлопнулась. И без того гулко стучащее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Темнота тут же сгустилась до кромешной. Шажок за шажком Эмилия продвигалась вперед, пока под ногами не захлюпала холодная вода. Дух стоял затхлый, но хоть не веяло канализацией – и на том спасибо.

Спустя вечность впереди стало вырисовываться что-то размером с горошину. То был свет, выход. Эмилия перешла на бег, даром что промокла уже по щиколотку,

и вскоре выбежала к стальной решетке – как оказалось, запертой. Ощупью она нашла под мхом на стене очередное сенсорное табло и в последний раз ввела код.

Решетка разблокировалась. Путь на волю был открыт.

Первым делом Эмилия осмотрелась. Перед ней раскинулся парк со стриженными газонами, перелеском и небольшими прудиками. Вокруг грозными великанами высились небоскребы, тут и там виднелись старинные домишки. Лондон? Возможно...

Вот она, свобода, можно вздохнуть спокойно. И все же страх как терзал от самого пробуждения, так и теперь не разжимал хватку. Одна темница осталась за спиной, но темница неизвестности – упрямая хозяйка...

Эмилия направилась к стройке впереди, и в эту минуту нервную систему переклинило от нагрузки. Шум машин и отбойных молотков удесят�ерился, мигающие табло и неоновые вывески магазинов больно резанули по глазам. Пришлось на время зажмуриться и закрыть уши. Чем ближе к шоссе, тем громче звучали голоса – из шепота уже планомерно переросли в назойливое бормотание. Слов было не разобрать, но легче от этого не становилось.

Неужели больница-таки была психиатрическая? Неужели с головой беда? Как тогда получилось сбежать?

И вдруг очередное наитие, заставившее вздрогнуть: а вдруг за ней идут по пятам? Вдруг отслеживают? Она глянула – никого; и все же шаг ускорила. В потоке пешеходов через каждые метров десять оборачивалась в поисках знакомых ориентиров и заодно тех, кто шептал... и в какой-то момент поймала краем глаза: четверо за деревьями, кто – не разглядеть, но вид зловещий.

Их шепот усиливался, дезориентируя, кружил голову, барабанил по вискам. Ноги уподобились размякшему картону и грозили подломиться в коленях. Эмилия наскребла остатки сил и потрусила вперед. Силуэты не отставали.

И тут тело решило, что с него довольно. Пешеходы перед глазами закружились, ноги перестали слушаться и зашаркали по тротуару – Эмилию повело в сторону, а схватиться было не за что.

Она полетела напрямик на проезжую часть.

Гудок – последнее, что Эмилия услышала перед тем, как ее на секунду метнуло в невесомость и с глухим стуком впечатало в тротуар.

Глава 5

Бруно, Эксетер

Бруно обвел глазами кабинет. Он ожидал увидеть обшитые деревом стены, огромный стол человек на десять, кожаные кресла и почувствовать запах старой бумаги от зачитанных юридических трудов на полках. Однако престижная юрфирма встретила его звукоизолированными стеклянными перегородками, окнами до потолка, дорогими диванами и приятным световым декором.

Волнение так и жгло. Чем больше Бруно пытался усидеть смирно, тем сильнее подмывало ерзать на стуле. Надел бы что полегче, думал он, так нет, натянул один-единственный костюм, да еще и с шерстяной рубашкой. Под мышками, как пить дать, теперь красовались такие огромные мокрые круги, что стыдно скинуть верх.

Бруно повернулся к своему адвокату, листавшей что-то на планшете.

– Скоро они?

– Без понятия, – ответила Эмили Лагари, посмотрев на него в ответ. – Это тактика такая, они специально вас изводят. Не поддавайтесь.

– Уже.

– Я вас об одном прошу: сдерживайтесь. Говорить буду я. Вы за это заплатили.

Бруно кивнул и еще раз окинул взглядом кабинет. В окне отражалось его лицо – суровое напоминание, как сильно он сдал за последние два с половиной года. В

тридцать пять с небольшим так не выглядят. Прежнюю каштановую шевелюру прочертили, как разметка – дорогу, седые волосы. Не сходявший лет с двадцати загар, когда он дикарем облазил пол-Южной Америки, сдавал позиции, оставляя после себя бляшки под давно потухшими глазами. Правду ему говорили, что нет мощнее микстуры для старости, чем горе.

Дверь наконец-то распахнулась; Бруно вздрогнул. В кабинет разом вошли шесть юристов разного возраста, пола и наружности. И от всех одинаково веяло уверенностью.

– Тяжелую артиллерию прислали, – пробормотал он и уже хотел встать поздороваться, но Эмили придержала его рукой. По хребту от самого затылка до резинки трусов скатилась бисеринка пота.

Вошедшие расселись напротив, по двое на один диван – как-то так окружают противника на поле битвы.

– Прежде всего, мистер Йорк, – начала самая молодая из них, – приносим извинения за опоздание.

– Все в по... – хотел было ответить он, но Эмили вновь остановила его на полуслове.

– Мистер О’Салливан, ваша сторона пришла к решению? – вступила она. – Разбирательство порядком затянулось. Повезло, что мистер Йорк такой терпеливый человек.

– Это мы и хотим обсудить, – ответил О’Салливан и замолчал.

Бруно заметил, как глаза юриста недобро блеснули.

– И?.. – гнула свое Эмилия. – Мне повторить вопрос?

– Решение принято.

Бруно глядел ему в рот, ловя каждое слово. На миг ему показалось, будто края губ О’Салливана едва заметно приподнялись.

– Так озвучьте же его, – продолжила Эмили. – Иначе мы сегодня так от вас ничего и не добьемся.

– В точку. Это и есть решение. Наш клиент не готов предложить мистеру Йорку финансовую компенсацию за его утрату.

Бруно напрягся всем телом и повернулся к Эмили.

– Что это значит?

Она и бровью не повела.

– Тогда зачем было назначать встречу, если вы еще не определились?

– Вы не поняли, мисс Лагари. Наш клиент отказывается выплачивать компенсацию вообще.

– И на каком основании?

– На основании пункта в контракте, согласно которому интимная связь в любой форме между сотрудниками запрещена.

– Бросьте. Как только мистер Йорк сошелся с будущей супругой, он сразу уволился из компании – все задокументировано.

– А я говорил не про мистера Йорка.

Бруно озадаченно поглядел на О’Салливана, затем на Эмили. Она прочитала подтекст между строк.

– Быть может, мистер Йорк оставит нас на пару минут, – пропела она слащавым голосом, резко контрастировавшим с серьезной миной.

Бруно стало не по себе.

– Нет, я останусь. – Он перевел взгляд на О’Салливана, который к этой секунде уже явно из последних сил сдерживал улыбку.

О’Салливан подал знак коллеге – худому белокожему мужчине с прилизанной густо-черной шевелюрой.

– Мистер Граф, прошу.

– В день, когда Хакерский коллектив взломал сеть автопилотов, супруга вашего клиента, Зои Йорк, находилась в беспилотном корпоративном авто своего работодателя «Хоулз технолоджис». Ее сопровождал коллега, мистер Марк Бенкрофт, вопреки должностной инструкции не внесенный в список пассажиров.

– Мы в курсе. Это повлекло бы за собой максимум строгий выговор.

– В машине они совершали половой акт.

– Вы что! – вырвалось у Бруно. – Да жена бы никогда!..

– И это все основания для отказа? – удивилась Эмили. – Спекуляции и голословные обвинения постфактум? – Она встала с дивана и застегнула пиджак. – До встречи в суде.

– Прошу еще совсем немного вашего времени, – продолжил Граф. – У нас есть видео.

Эмили помотала головой.

– Сами знаете, что, по праву неприкосновенности частной жизни, записи из салона беспилотного автомобиля не могут быть приложены к процессу о страховом возмещении после несчастного случая со смертельным исходом.

«Несчастный случай со смертельным исходом»... Вроде бы слова как слова, но по коже Бруно они прокатились холодными дождинками. О’Салливан подался вперед, и Бруно поразились его глазам: две узкие черные щелки, будто вовсе не человеческие.

– Мы не утверждаем, что запись сделана из салона, – парировал он. – На ней машина за несколько минут до столкновения – и видно, что внутри... Мистер Йорк, будьте добры взглянуть на экран.

На этих словах адвокат наконец-то расплылся в заговорщической улыбке.

Бруно проглотил издевку. В эту секунду на экране возник вид машины Зои с крыши.

– Запись сделали со второго этажа автобуса, – вновь подал голос Граф. – Снимал один регбист – ехал с командой на матч. Как мы видим, «умные окна» в машине миссис Йорк затенены, но не панорамная крыша, через которую сверху салон как на ладони.

Кадр приблизился к Зои; Бруно не дышал. Она ерзала поверх какого-то типа с незнакомым лицом. На ней была только рубашка, а он спустил брюки до лодыжек.

– Он принудил ее, – прохрипел Бруно не своим голосом. – Заставил!

Ему до тошноты хотелось, чтобы сейчас ракурс сменился, и на нем Зои на самом деле отбрыкивается от коллеги. И вдруг – на редкость шкурная мысль: раз так ее изнасиловали, тут еще подумать надо, что для него позорнее. Кадр безжалостно навелся на лицо Зои. В пиковый момент дружки снимающего заулюлюкали, – а она так и не заметила зрителей. Спустя мгновение кончил и партнер, и тогда она поцеловала его с такой страстью, какую Бруно за все годы с трудом мог припомнить.

Оторвавшись от экрана, он обвел гневным взглядом ухмыляющихся оппонентов. А когда не увидел на лице Эмили надежды, тотчас понял: и битва, и война проиграны.

– Нам также стало известно, что этот случай был не единственным. Миссис Йорк неоднократно вступала в половые связи, в том числе со своими прямыми подчиненными, – продолжил Граф. – Те показали, что иначе о карьерном росте можно было забыть – так она сама грозила. Пусть погибла она в аварии по вине хакеров, факт остается фактом: ваша жена была озабоченной нимфоманкой. А в подобном случае, мистер Йорк, компания имеет право расторгнуть контракт

незамедлительно даже в случае смерти сотрудника. Только такой выход устроит нашего клиента.

Бруно позволил дивану поглотить себя целиком. Жена, юристы, компенсация – все моментально вылетело у него из головы.

Осталось только одно.

– А как же наш сын? – хрипло выговорил он. – Что теперь будет с ним?

Глава 6

Флик, Лондон

Флик удаляла одну за другой закладки в своем телефоне – сотни новостных сайтов, которые просмотрела за последние три года. Тематика у новостей была одна: ее ДНК-партнер Кристофер и его преступления.

Вдруг палец дрогнул, и один сайт открылся на весь экран.

МАНЬЯК УБИЛ БЕРЕМЕННУЮ

Двадцать седьмой жертвой лондонского серийного убийцы стала беременная женщина, сообщает полиция.

Уроженку Сирии Доминику Боско, находившуюся на пятом месяце, нашли на кухне собственного дома задушенной проволокой для резки сыра. Труп обнаружили коллеги убитой по букмекерской фирме, обеспокоенные ее отсутствием на работе.

Детектив Шон О'Брайан: «Мы подтверждаем, что тело нерожденного сына находилось возле матери, но до официального вскрытия не станем разглашать причину смерти».

Флик закрыла глаза. Сколько времени уже прошло, а рана все кровоточит...

Она продолжила удалять закладки, и вскоре не осталось ни одной. Дальше предстояло отписаться от всех, кто своей полной жизнью действовал ей на нервы. Попробуй их игнорировать, когда все твои окна в мир – телевизор да соцсети. С братьями дело давно было кончено, как и со всей группой тайского бокса и работниками ее паевого ресторана. Делалось тошно при виде идеального счастья, идеальных семей, идеальных домов. Ей идеала уже не видать, потому что ее ДНК-партнер оказался кровожадным психопатом...

До Кристофера Флик и знать не знала, что в жизни бывает такой мрак. Стакан чаще был наполовину полон, а когда тест дал результат, вообще перелился через край. Теперь же она проклинала Кристофера, разбившего ее мечты вдребезги, и заодно себя, чье мерзкое тело сделало такой выбор. А поскольку винить за подобный расклад было толком некого, зло она вымещала на себе самой: пила, курила и поглощала химозные полуфабрикаты – словом, планомерно себя убивала.

Очередная партия бывших друзей летела вон из инстаграмных подписок, как вдруг на глаза попала реклама. Флик уже встречала ее сегодня и на других сайтах. Разводиловое, нечего и думать.

Хотите начать жизнь с чистого листа? Кликните!

Предложение, впрочем, соблазнительное. Кто откажется начать с нуля? И все же звучит на редкость радужно, а значит, ничего хорошего явно не жди. Нет такой ссылки, которая перезагрузила бы жизнь.

И все-таки, а вдруг?..

К черту, решила Флик спустя минуту раздумья и вывела сайт из рекламы на экран телевизора.

Эта головоломка не по зубам 99 % британцев! Рискнете?

На экране моментально возникли десятки трехмерных цветастых букв, чисел и фигур – и все беспорядочно расплывались в разные стороны. Флик выпрямилась на диване и переключила телевизор на глазное управление.

С ранних лет она придавала любой упорядоченной последовательности – буквам, цифрам, даже месяцам в году – своеобразные внешность и характер. Порядковая лингвистическая персонификация – такой диагноз ей поставили в девять. Психиатр уверил родителей, что пусть дочь воображает себе девятку «рыжей тетенькой», а месяц март – в виде застенчивого подростка в вязаной шапочке. Поводов бить тревогу нет. «У Дюка Эллингтона, Мэрилин Монро, Канье Уэста и Стиви Уандера была точно такая же форма синестезии».

Спустя минуту беспорядок на экране выстроился в сферу с различными словами и узорами. С минуты на минуту, наверное, выкатят награду – предложение купить очередную ненужную дребедень.

А телеэкран только побелел – и спустя мгновение вообще переключился на прежний канал.

– И всё? – удивилась разочарованная Флик.

Она прошла к открытому балкону и окинула взглядом садик перед домом, затем потянулась к пачке сигарет. Пустая. На кухне тоже не нашлось. По закону, в продуктовых онлайн-магазинах сигареты не продавались, так что предстояло впервые за несколько месяцев выйти за порог, купить сразу десять-двадцать блоков.

Ближайший супермаркет был минутах в пятнадцати от ее квартирki на востоке Лондона. С первых же секунд Флик почувствовала себя под стать марсианину на Земле: все вокруг незнакомое, люди близко-близко, на стенах домов автоматические щиты крутят рекламу. Суэта моментально ударила по ее спокойствию.

В какую-то минуту взгляд привлекла цветастая клумба – оазис красок в пустыне серого бетона и асфальта. В юности Лондон кажется взбалмошным, лихим – раем для одинокой молодежи. В тридцать с хвостиком он бешено дорогой, перенаселенный, и ты в нем как пятое колесо. Флик никогда еще так не хотелось вырваться прочь из железобетонных джунглей.

Вторую жизнь она обязательно прожила бы на берегу океана. Чтобы за порогом разливалась бескрайняя водная гладь.

В середине парка Флик заметила вереницу передвижных прилавков со стрит-фудом. До чего неловко ей стало в обычных мешковатых трениках и толстовке на фоне очереди из опрятных белых воротничков! Один, второй, третий – все уносили дымящиеся коробочки с чем-то сочным, горячим и экзотическим. Флик уже не помнила, когда последний раз ела по-человечески, не из лотков в целлофановой пленке, и решила вспомнить вкус хоть тайской кухни.

– Мне клейкий рис с говядиной, – заказала она.

Повар бросил на сковородку ингредиенты из двух корытец. Зашкворчало, воздух наполнился запахами... и тут на Флик нахлынуло. От мясного чада и вида сырой говядины перед глазами встал мертвый Кристофер.

В ту ночь он готовился совершить тридцатое убийство. К нему в дом проникли и задушили его же излюбленным оружием – проволокой для резки сыра, – затем мертвого оттащили в сад за дом, накрыли покрывалом и, облив растворителем, подожгли. Личность Кристофера удалось установить только по ДНК. В тот момент на трупах младенца с матерью обнаружили его засохшие слезы – так его связали с двумя убийствами. След привел еще к одиннадцати, но молва закономерно повесила на него все двадцать девять жертв.

А вот кто перенял его ампула и убил убийцу, так и оставалось загадкой...

Спустя несколько месяцев пришел результат теста. Флик тогда не заметила подвох в имени и так же спокойно напечатала его в своем имейле. Полиция мониторила почту Кристофера, на случай, если на связь без задней мысли выйдет какой-нибудь гипотетический соучастник. Как результат – в ресторан Флик явился следователь и долго расспрашивал об их с Кристофером связи. Тогда-то и вскрылось, что тест свел ее с самым кровожадным серийным убийцей

за последние сорок лет.

Она, разумеется, не поверила. Заказала еще один тест: то же самое.

За три года желание узнать о нем переросло в навязчивую идею. Флик объездила места убийств, как бы невзначай встречалась с родными жертв и убеждала излить душу. Она даже нашла дом Кристофера и пыталась пролезть внутрь через заколоченные стальными листами окна и двери.

На сковороде шкворчала говядина. Так же, наверное, шкворчала и плоть Кристофера под языками пламени... Не в силах терпеть, Флик кинулась прочь. Пришла в чувство она только у забора на выходе из парка и стала глотать воздух в надежде отделаться от стойкого мясного духа.

Ворвавшись домой, захлопнула дверь и медленно съехала по ней спиной на пол. Потянулась было за сигаретами... а их нет, до супермаркета она даже не дошла. Сегодня, видимо, придется потерпеть.

Флик обхватила голову и дала волю горьким рыданиям – прямо как в день, когда купила в Даркнете полароидные снимки убитых, которые Кристофер делал на память. За архив с цифровыми копиями пришлось отдать в биткойнах месячный доход. Отчасти хотелось понять, какого монстра ей подобрала природа, а отчасти – положить уже конец сомнениям: а такие ли уж они разные? Вдруг и она способна на подобное? Вдруг у них не только ген совместимости общий, а еще и тайные желания, наклонности?

Проблевавшись после четвертого раздутого трупа, Флик раз и навсегда уяснила, что ничего общего между ними нет и быть не может. Природа над ней очень злобно подшутила. Для всего мира с тех пор прошло три года, но для Флик – как будто ни дня. И, что хуже всего, светлых перспектив на горизонте не вырисовывалось.

Вытерев глаза, она задернула шторы в квартире и плеснула себе на кухне рома с колой. Уже было потянулась за льдом, как вдруг телефон принял сообщение.

КОМУ: Флик Кеннеди

Только для получателя. Разглашению не подлежит.

Уважаемая мисс Кеннеди, ввиду вашего успешного прохождения тестового задания мы предлагаем вам уникальную возможность начать новую жизнь. К данному письму приложены: адрес, дата, время, договор о неразглашении и краткие сведения о том, что вас ожидает. В случае вашего согласия вас также ждет финансовое вознаграждение.

– Начать новую жизнь... – пробормотала она и мельком проглядела приложение к письму.

Если это и развод, то слишком уж замысловатый. Флик нажала «скачать» и затаила надежду, что впереди станет хоть немного светлее, чем за спиной.

Глава 7

Чарли, Портсмут

Когда рейсовый автобус с водителем подъехал к остановке у вокзала Ватерлоо, Чарли уже сгрыз все ногти.

Тревожность поминутно то стихала, то захлестывала штормовым валом. Он прилепил последний успокаивающий пластырь и тронул на запястье браслет медного цвета – электро-, вибро-, температурный и обонятельный раздражитель. Врач считал, что комплексная сенсорная терапия будет отвлекать и не даст накручивать себя.

Сегодня не помогало.

Что, если его просто хитро разыгрывают? Хотя предложение начать жизнь с нуля так соблазняло... В Лондон его пригласили спустя несколько минут после того, как он решил головоломку. Быстрота и точность вывели его во второй этап соревнования, где победителя ждали участие в особом проекте и возможность перезагрузить свою жизнь. Чарли, скептик по натуре, колебался... и все же,

вдруг до недостижимой прежде мечты рукой подать?

В автобусе суетились, из отделения над головой вынимали чемоданы; Чарли же не шевелился, по очередному кругу взвешивая все «за» и «против».

Прошлой ночью он перерыл интернет в поисках сведений о головоломке: откуда взялась, кто составил, кто и как решил. На удивление, конспирологическая братия обошла ее стороной. Пара-тройка людей попытались силы – да бросили. На научных форумах предположили, что головоломка эта вообще либо для тех, кто перерос ступень гомо сапиенс, или же просто для неординарного мозга – с отклонениями. Чарли гадал, в счет ли его синестезия. Другие считали головоломку обычным кликбейтом[6 - Т. е. ссылкой-приманкой (англ.), размещенной в рекламных или вредительских целях.].

Однако кликбейт редко перебрасывает из виртуального мира в реальный.

Чарли встал самым последним и, размяв ноги, вышел. Хотелось взять такси до конечного адреса, но в округе не нашлось ни одного с водителем. Чарли вставил наушники и положился на волю навигатора в левой линзе «умных очков».

Мысли бесцельно блуждали. В какой-то миг он скомандовал вывести новостные заголовки по Хакерскому коллективу – инфоповоду недели среди конспирологов. По пути через Вестминстерский мост Чарли гадал, к чему приведет атака на британские серверы. Еще не угасли детские воспоминания о том, как протесты после Брексита[7 - Выход Великобритании из Евросоюза, осуществленный зимой 2020 года.] поделили страну надвое, и даже сегодня между двумя лагерями шла тихая вражда. Вот и теперь история рискует повториться. Население разделится: платить выкуп или нет?

Поступки Коллектива ничем не оправдать, заключил он, и все же внутренний сторонник теории заговора нашептывал: власти предержащие сами навлекли на себя угрозу публичного разоблачения. Ведь когда нет грязных тайн – нечего и скрывать от мира.

До пункта назначения – примыкающего к набережной переулка – оставалось несколько минут ходьбы. Беспокойство на душе росло с каждым шагом.

А вдруг предложение окажется настоящим? Вдруг ему дадут второй шанс?

Если так, то упускать его нельзя.

Наверное, придется как минимум порвать с семьей. Хотя с родными он и так не очень-то близок. Мать с отцом давно развелись и живут со своими биологическими партнерами. Кто будет по нему скучать?

Мысли о ДНК-паре Чарли никогда не откладывал в долгий ящик, вот и теперь открыл на телефоне сайт проекта. Зарегистрировался он лет пять назад, но вторая половинка пока что не спешила. Чарли уже не гадал, что за женщина найдется: старше ли, на другом ли конце света – да и женщина ли вообще. Ему до смерти хотелось почувствовать себя любимым.

«Новых сообщений нет», – высветилось на экране.

Видимо, не пришло еще время заполнить душевную пустоту. И пусть. К лучшему. Что бы ни преподнес сегодняшний день, терять нечего.

– Вы прибыли в пункт назначения, – произнес искусственный голос в наушниках.

Переулок возле набережной оказался узким и с каменной лесенкой. В конце открывался короткий подземный переход, по которому Чарли вышел в продолговатый двор, окруженный шестиэтажными офисными зданиями.

Он поискал хотя бы номера домов. Глухо. Вокруг только голые двери без замочных скважин, ручек и звонков. Окна затенены, даже свет через них не пробьется. Чарли побродил туда-сюда, сверяя адрес, лишний раз поискал вход – не пропустил ли на видном месте?

Впустую.

– Какой я идиот, – он вздохнул. – Повелся. Поверил в чудо...

Только зачем тогда весь этот цирк? Неужели столько усилий шутки ради? Ему и дорогу оплатили, и на счет перевели кругленькую сумму...

Чарли развернулся и уже зашагал обратно к переходу, как вдруг справа открылись вовнутрь двойные двери. Он все ждал, что сейчас выйдут его встречать, – но нет: проходная беззвучно зияла черной пастью. Его внутренний знаток триллеров заклинал не входить туда... И все же в этот миг Чарли охватил приступ небывалой смелости. Кнопкой на дужке он приблизил кадр в очках – расфокусированный из-за потемок, но все же на стене проглядывали очертания какого-то узора. Чарли моментально его узнал. То была разгаданная головоломка, что и привела его сюда.

Он машинально схватился за руку и стал тереть пластырь.

«Ты слишком много чувствуешь», – сказала ему как-то одна знакомая.

Поначалу Чарли хотел возразить, да только с правдой не поспоришь. Хотя на этот-то раз волнение было далеко не беспочвенным. Тем не менее зов новой жизни склонил чашу весов в свою пользу, и Чарли уже не смог ему воспротивиться.

Глава 8

Шинейд, Бристоль

«Он будет вытирать о тебя ноги все больше и больше».

Слова Джоанны запечатлелись в мозгу Шинейд, как следы на снегу. Подругами их назвать было нельзя – встречались дай бог несколько раз на общих застольях. Однако это не помешало Джоанне увидеть отношения Дэниела и Шинейд насквозь, да еще и открыть ей глаза. Муж, день ото дня, по капле уничтожал ее прежнюю личность.

Мысль, что жизнь с Дэниелом ее душит, прочно засела у Шинейд в голове. И все же из какой-то упертой верности ей хотелось его обелять. Да, она в золотой клетке, но муж так ее оберегает и вообще выстраивает из нее лучшую версию самой себя... Джоанна же заставила ее взглянуть на этот брак со стороны. С незашоренной стороны.

«Только без мужа ты заживешь полной жизнью...»

Так ли? Была ли у нее жизнь ДО него? Была, но очень блеклая. Дэниела ей словно послали свыше. Однако вдруг и вправду на их браке свет клином не сошелся, а она просто живет в розовых очках?

Шинейд провела пальцем по двойному ряду накладных ресниц. Без них Дэниел жену и видеть не хотел – хотя отчасти сам был повинен в необходимости их наклеивать. Примостившись в комнатке для персонала, она открыла лоток с едой, собранный на этот раз мужем. Сегодня на обед были красное яблоко, простой йогурт, бутерброд с куриной грудкой и низкокалорийный злаковый батончик. «И чур без шоколадок!» – призывал синий стикер на крышке. Вместо точки под восклицательным знаком – сердечко. Любит жену и следит за ее рационом... Ведь так?

Внезапно на экране выскочила реклама:

Хотите начать жизнь с чистого листа? Кликните!

Эта головоломка не по зубам 99 % британцев! Рискнете?

Шинейд с бутербродом во рту интуитивно покрутила слова, фигуры и буквы. Вскоре начало вырисовываться нечто осмысленное. Полминуты – и готово.

Всю жизнь она завидовала брачной идиллии покойных родителей. До Дэниела у нее совсем не клеилось с мужчинами, а он стал таким глотком свежего воздуха, что Шинейд убедила себя: он тот самый, единственный, спасет от гнетущего одиночества. Перед любовью она так преклонялась, что без нее не представляла себе счастья.

Чувства тогда вспыхнули моментально. Таких светлых карих глаз она в жизни не видела, а губы его были пухлее, чем у нее. Поджарый, бронзовая кожа – и она рядом с ним, бледная и нескладная... Почему такой умный красавец выбрал ее? Как его еще тогда не охомутали?

Вопреки предостережениям друзей, свадьба состоялась всего через два месяца.

Шинейд взглянула на свадебную фотографию, которую Дэниел поставил ей на заставку в телефоне. Вспомнилось, как она шла к алтарю. До чего же ей хотелось увидеть восхищение на лице будущего мужа при виде ее платья – однако он не улыбнулся, не удивился. Что и появилось на лице, так это лишь легкое разочарование. Позже на застолье он сказал, что сам выбрал бы лучше.

В углу экрана появился значок пустой батарейки, и спустя мгновение телефон погас. Поставить бы на зарядку, да только Шинейд уже глубоко погрузилась в воспоминания о первых месяцах брака...

Поначалу да, Дэниел просто строил предположения – что пойдет на пользу совместной жизни, пойдет ли вообще? – но со временем это переросло в формат скорее принудительных советов. Он стал наставлять жену, как ей одеваться и краситься, как убираться в доме, что читать и слушать, с кем общаться.

– Это нормально, – говорил Дэниел. – Муж и жена всегда меняют друг друга к лучшему.

«Ты зачем это терпишь, а?» – вновь зазвучал в ушах голос Джоанны.

Шинейд мирилась с прихотями Дэниела, потому что хотела видеть его счастливым, – а счастливым его делал титул главы семьи. Иной раз он ни с того ни с сего мог похвалить ее стряпню или наряд, чем сильно сбивал с толку. Со временем она поняла, что за добрым словом с его стороны непременно последует какая-то просьба.

Ей пришлось пожертвовать многим во имя любви, но большее всего было отрывать от сердца работу. Шинейд трудилась координатором в космическом центре, помогала находить мусор на орбите – части ракет и сломанные спутники, грозящие столкнуться с работающей техникой. Она решала, что стоит переработать прямо на орбите, а чему лучше сгореть с концами в атмосфере. Занятие нелегкое и в то же время интересное, но три часа на дорогу до Лондона и обратно значили минус три часа с Дэниелом. Дернуло же ее в угоду мужу устроиться невесть кем, лишь бы поближе к дому...

«Дэниел тебя душит, не дает расправить крылья!»

В одном только Шинейд не позволила себе уступить – дети. Она упорно хотела забеременеть и не оставляла попыток. Повезло почти сразу же после свадьбы, однако через месяц случился выкидыш. Еще дважды природа подавала ей надежду, а затем вновь жестоко била под дых. Тогда Дэниел предложил взять паузу – сказал, что ее тело наверняка попросту неспособно подарить жизнь. «Видимо, тебе не дано быть матерью...»

Вдруг в левой груди кольнуло, и Шинейд приложила туда руку. Перед глазами вспыхнули образы – пришлось на минуту зажмуриться, чтобы прийти в себя. Аппетита теперь как ни бывало. Шинейд выбросила еду в мусорное ведро и вернулась за свой стол.

– Тьфу ты, Дэниел! – чертыхнулась она под нос, вспомнив, что не позвонила мужу в назначенное время.

Поставив телефон заряжаться, бросила взгляд на стенные часы. Опоздание минут на двадцать. Едва оживший экран показал шесть пропущенных, ее охватила паника.

Шинейд поспешила в туалет, звонить мужу подальше от ушей коллег. Завибрировал электронный браслет, сообщая, что пульс резко подскочил. Не успеет придумать оправдание, не убедит его в своем раскаянии – и терпеть ей угрюмого мужа несколько дней.

Он поднял трубку после первого же гудка. Молча. Шинейд уже было открыла рот, как в ушах вдруг опять встали слова Джоанны.

«Только без мужа ты заживешь полной жизнью».

«Полной жизнью».

«Без мужа».

И тут впервые за все годы брака она отказалась унижаться ради чужого спокойствия, а просто взяла и сбросила звонок. Почти сразу же муж перезвонил, но она вновь нажала красную трубку. Затем бросилась из уборной к своему столу и схватила сумочку.

– Все хорошо? – спросил из-за стола в углу ее начальник Ричард, старый дружок и подхалим Дэниела.

– Лучше не бывает, – бросила Шинейд. – Я домой.

Ответа она не услышала – вылетела из здания пулей. Ричард уже, наверное, донес о ее резкой перемене Дэниелу. Плевать. Шинейд их обоих больше не увидит.

К моменту, когда она через десять минут вошла домой, муж позвонил уже семь раз.

«Только без мужа ты заживешь полной жизнью».

Заживет, и еще как! Без чужой помощи она и не увидела бы эту дверь. Осталось ее только открыть. Опьяненная предвкушением, Шинейд быстро сложила в чемодан одежду, средства гигиены, и тут ее осенило: а куда идти? С друзьями, которые давно предупреждали о манипулятивных наклонностях Дэниела, она давно порвала. Возникнуть у них на пороге и попроситься на ночь – не выход, слишком стыдно.

Телефон вновь завибрировал. Опять Дэниел звонит, подумала Шинейд, – но оказалось, пришло сообщение.

КОМУ: Шинейд Келли

Только для получателя. Разглашению не подлежит.

Уважаемая миссис Келли, ввиду вашего успешного прохождения тестового задания, мы предлагаем вам уникальную возможность начать новую жизнь. Пожалуйста, свяжитесь с нами как можно скорее.

– Дурят, – прошептала она, мотая головой.

И все же ее палец завис над указанным номером.

Глава 9

Эмилия

Уже второй раз за несколько дней Эмилия пришла в себя в незнакомой кровати. Однако на этот раз паника обошла ее стороной. Вокруг – желтоватые стены, грубая простыня, рядом – синие пластиковые стулья. Вот теперь она точно в больнице, а не в подземной лаборатории. Эмилия бросила взгляд на окно в коридор. За вертикальными жалюзи мелькали головы медперсонала и пациентов, слышались голоса.

В эту секунду от нахлынувших воспоминаний у нее больно застучало в висках. Вот она бежит по коридорам непонятного комплекса, сквозь тьму туннеля выходит на лондонскую улицу. Затем ноги подламываются, ее сбивает машина... и всё. В памяти был сплошной мрак, развеять который никак не получалось. Точно вспомнила она только имя.

Эмилия провела пальцами по голове и нащупала припухлость в полсантиметра на макушке, а чуть ниже по линии волос – отчетливую шишку с большую жемчужину. Левая сторона тела ноет – по-видимому, удар туда пришелся. В гипс не заковали. Гора с плеч, легко отделалась... В тыльной стороне ладони торчит капельница, молча снимает показания беспроводной кардиомонитор.

На мгновение она позволила себе расслабиться, как вдруг перед глазами вспыхнул новый кадр, а с ним накатила волна страха: за ней гонятся четыре размытых силуэта.

Кто это? Ее преследовали от той канализации? Зачем? Да и кто она такая?

Ответов пока что не предвиделось. Эмилия заняла себя тем, что внимательнее рассмотрела палату. Из окна виднелись крыши соседних крыльев больницы с вентиляционными коробами тут и там. На подоконнике стояли в вазе свежие розовые цветы, а рядом лежала открытка.

Ага, кто-то знает, что она здесь! И этот кто-то поможет разложить все по полочкам!

Эмилия уже хотела встать и пройти за открыткой, как вдруг дверь распахнулась. Вошли две неброско одетые женщины-врача с бейджами на шеях, санитар и мужчина, печатавший что-то в планшете. Последний перевел глаза на стенную панель с историей болезни пациентки.

– Здравствуйте, Эмилия. Можно вас так называть? – начал «доктор Фазул Чаудари, старший консультант», как гласил бейдж.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Вы сами назвались в «Скорой» три дня назад.

– А сейчас я где?

– Далвич, юг Лондона, больница короля Вильгельма.

– Что еще я говорила?

– Что ничего о себе не помните и что за вами гонятся.

Эмилия кивнула. Не проговорились-таки, что откуда-то сбежала. Пусть так и остается.

– Как я? Жить буду?

Доктор Чаудари заглянул в планшет.

– Отделались ссадинами и синяками. До утра мы продержали вас на снотворном – был риск отека мозга. Повезло, что у беспилотных машин корпус из специальных материалов, смягчает удар. А вот в остальном не все так однозначно. Судя по нашей предварительной психологической экспертизе и вашим заявлениям, у вас частичная амнезия. Ходить и говорить можете – телесные функции не затронуты, – но считать память мозг не в силах. Грубо говоря, прошлое для вас теперь недоступно.

Диагноз несколько успокоил. Моментами Эмилии казалось, что рассудок ее мутится. Как же вернуть себя прежнюю? Ответа пока не было.

– Это лечится?

– У многих со временем само проходит, память возвращается. Не помешало бы сделать МРТ, пролить свет на...

– Нет! – взорвалась Эмилия, напугав медперсонал.

Нельзя, никак нельзя дать заглянуть себе в голову – так твердил внутренний голос!

– Обследование безболезненное, не бойтесь. Я советую... – продолжил доктор, но Эмилия упорно замотала головой. – Гм, ладно. Мы к этому еще вернемся. Уж простите, долг велит.

– Извините, но я еще раз говорю: нет. Просто скажите, как мне вернуть память. Больше ничего не нужно.

– Панацеи нет, тут все индивидуально. Обследования подскажут, в какую сторону двигаться – гипноз, акупунктура, БОС-терапия, билатеральная стимуляция. Это все ненаучно, но вдруг поможет...

После ухода медиков у Эмилии на глаза навернулись слезы. Перспектива не вспомнить себя до конца жизни пугала до глубины души. Она было повернулась на бок, но ребра больно прострелило. Тогда сползла ниже и медленно подтянула колени к груди.

Действие обезболивающих быстро утянуло в сон, однако вскоре Эмилию резко разбудило чувство чужого присутствия. Кулаки машинально сжались – где опасность, кому дать отпор? – и в это мгновение взгляд выхватил посетителя. Рослый, с густыми бровями и тонкими губами; резкие скулы, миндалевидные глаза за очками в роговой оправе. Бейджа нет, планшета в руках тоже – не из персонала?

С облегченным вздохом он подступил к ее койке.

– Ну слава богу!

Затем нежно убрал волосы с ее лица и поцеловал в щеку.

– Вы что?! – возмутилась она, отпрянув.

Его брови озадаченно сошлись. Не такой реакции он ждал.

– Я... Извини. – Он отступил на шаг.

– Вы вообще кто? – спросила Эмилия.

– Ты меня не помнишь?

– Иначе не спрашивала бы!

– Я Тед. – Он напряженно улыбнулся. – Твой муж.

Глава 10

Бруно, Эксетер

Комната погрузилась в непроницаемую тишину, будто мир за ее пределами канул в небытие. Время остановило свой бег в этом уголке Вселенной, где Бруно так мечтал остаться навсегда.

Он не мог оторвать взгляда от сына, сидящего в середине тускло освещенной комнаты. Большие-большие глаза Луи – единственное, что виднелось в полумраке – замороженно следовали за огоньками на стенах и потолке. Его рот застыл открытым в форме буквы «о» – признак расслабленного, спокойного состояния.

У отца же на душе было совсем наоборот.

Бруно отчасти успокаивало, что темнота скроет чувства на его лице – пусть даже Луи не в силах их различить. Он вышел в коридор и наткнулся на одну из воспитательниц вместе с практиканткой за спиной.

– Доброе утро, – начала Кэлли. – Мы как раз идем вас провести.

Она опытным взглядом считала лицо Бруно и тут же велела практикантке проводить Луи в сенсорной комнате. Сама же увела Бруно в аудиторию для персонала. В глаза с порога бросилась белая доска с написанным: «Агрессия при аутизме, методы борьбы», и ниже – «Депрессия» и «Членовредительство». До боли знакомые слова.

– Вы считаете, что подвели сына, так? – начала она.

Бруно кивнул.

– Если вас это успокоит, через подобное проходят все наши родители, – добавила Кэлли.

– Я верил: как бы ни прижало, сына я ни за что не отдам в чужие руки. Не брошу. А в итоге взял и бросил!

– Ничего подобного. Вы поставили нужды Луи выше своих. Предоставить заботу о нем профессионалам – не значит бросить. У нас лучший в Эксетере интернат для детей с расстройствами аутистического спектра. Луи двадцать четыре часа будет под присмотром специалистов, которые всю жизнь работают с такими детками. Ему тут понравится, обещаю.

– А что же через полгода? Больше я не смогу оплатить.

– Будем решать проблемы по мере их поступления. А пока что отведем Луи в его новую комнату?

Вернувшись к сыну, Бруно приобнял его за плечо и осторожно повел в одно из двенадцати отделений интерната. Мальчику предстояло делить жилой блок с двумя подростками и тремя круглосуточными воспитателями – по одному на ребенка. Двенадцатилетний Луи оказался самым юным среди соседей, но с

наибольшими потребностями.

Первым в комнату вошел сын, затем отец. Спать Луи будет в одиночестве, но под непрерывным надзором камер с датчиками движения, чуть что готовых послать сигнал персоналу. Луи не разговаривал, а значит, и о недомогании сообщить не мог, поэтому под кожу запястья ему вживили биомонитор. Чтобы облегчить адаптацию, Бруно заранее разложил в ключевых местах комнаты игрушки сына. На подушке сидел его любимый плюшевый тираннозавр.

Луи с явным замешательством осмотрел комнату, недоумевая, почему его вещи здесь, а не дома. Спустя полминуты он стал барабанить пальцами по виску, что говорило о растущем беспокойстве. Отец достал из сумки телефон – самое доступное успокоительное средство.

– Мы не зря оставляли Луи здесь на пару минут каждый день. За несколько недель он привык к комнате, – сказала Кэлли. – Когда будете готовы, жду вас за дверью.

Бруно наблюдал, как Луи с немыслимой легкостью возится в телефоне. Разгадывал он, судя по всему, какую-то головоломку из слов и фигур, явно чересчур замысловатую для его возраста.

Луи умел удивлять отца.

– Что это у тебя там, дружище? – заглянув в экран, спросил Бруно.

Вскоре удалось уловить закономерность. Сын же в это время был уже на три шага вперед и давно сводил части в целое. Бруно с детства имел самую распространенную форму синестезии, персонификацию – цифры, буквы и даже дни недели для него обладали своими личностными характеристиками. Никто не знал, передалось ли это Луи, однако подобные головоломки он раскусывал с такой легкостью, что явно не только передалось, но и утроилось.

Посмотрев на Бруно, мальчик отдал ему телефон с решенной головоломкой и переключил внимание на коробку с «Лего» у окна. Мир пестрого конструктора подчас не отпускал Луи часами напролет. Намек был ясен: пора тебе уже, отец. Бруно не возражал. Все, чего ему хотелось, – услышать хоть слово на прощание.

* * *

Бруно примостился на краю одноместной кровати и обвел взглядом свое нынешнее жилище. Слева располагался кухонный уголок: впритирку плита, раковина да три шкафчика. Впереди стояли раскладной диван, телевизор, шкаф и комод. Не квартира – коробчонка с гостиную их прежнего семейного дома. Ванна и туалет – общие, в конце коридора, их приходилось делить с хозяевами тайской забегаловки на первом этаже.

Ничего общего с тем, что любил Бруно.

Дом и бо?льшую часть содержимого пустили с молотка в уплату просроченной ипотеки, расходов на адвоката и счета за интернат для Луи. Сына и жену вырвали из его жизни – прямо как волю к борьбе и веру в светлое завтра. Один только плюс оставался в море минусов: сын получит лучший уход из всех возможных за деньги.

Из дома, откуда его выставили на мороз, удалось забрать совсем не много. Семейные фото хранились в «облаке», их прокручивала в режиме слайдшоу цифровая рамка. Бруно, впрочем, не хотел вспоминать Зои. Он отказывался видеть в жене секс-маньячку, представлять, как она рыскает по офисным коридорам и совращает коллег в обмен на обещание замолвить словечко перед начальством – и все же, как ни крути, один-то любовник у нее был. При мысли о Зои воображение рисовало лишь одну картинку: после пятнадцати лет замужества она погибает верхом на каком-то типе.

Бруно ее в жизни не простил бы.

На «умной колонке» сработал будильник, возвращая с небес на землю. Бруно открыл шкафчик над раковиной и достал банку вазелина. На складе интернет-магазина «1-STOPSHOP» новички, такие как он, стояли в самом низу корпоративного эволюционного древа. Таскали, например, тяжеленные поддоны лишь в самой базовой модели экзоскелета[8 - Внешний биомеханический каркас, усиливающий (или восстанавливающий) различные характеристики тела.] – другой не полагалось. Нагрузка на суставы и спину, конечно, в нем сильно снижалась, за что спасибо инженерам, но вот об удобстве явно никто не подумал. Перед каждой сменой Бруно густо смазывал плечи и запястья, однако металлический каркас все равно натирал.

Вдруг его часы завибрировали. Пришло сообщение – поздравляли с решением головоломки и просили связаться как можно скорее. Оно было уже третьим за неделю, а еще несколько раз ему звонили. Попытки понять, что за головоломка такая, увенчались успехом далеко не сразу, но в итоге вспомнилось: Луи вроде бы играл в телефон. Он и решил, наверное. А вдруг за победу наградят деньгами? Тогда, глядишь, хватит на седьмой месяц для сына в интернате.

Была ни была, решил Бруно и открыл письмо.

Мы предлагаем уникальную возможность начать новую жизнь. Что скажете?

Он вновь обвел глазами свою комнату. А затем, больше не раздумывая, нажал «читать далее».

**** КОНФИДЕНЦИАЛЬНО ****

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО: ТОЛЬКО ДЛЯ ГРАЖДАН ВЕЛИКОБРИТАНИИ, УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ «А»

ЭТОТ ДОКУМЕНТ ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ПО ВОПРОСАМ КИБЕРШПИОНАЖА И РАЗВЕДКИ № 11.6

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ХРАНЕНИЯ СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

** Данный отчет является точной стенограммой вышеозначенного заседания. Во избежание утечки информации некоторые части текста вымараны **

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

.....

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Эдвард Карчевски, начальник оперативного отдела.....

Доктор Сэди Манн, руководитель Центра психиатрической экспертизы

Доктор М. Д. Портер, ведущий нейробиолог

....., министерство обороны,

Портон-Даун[9 - Исследовательский центр химико-биологического оружия близ г. Солсбери.]

....., МИ-5

Уильям Харрис, глава Центральной разведывательной службы Его Величества

ПРОЧИЕ УЧАСТНИКИ СОБРАНИЯ:

Премьер-министр Диана Клайн

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Да вы рехнулись?!

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Не спорю, так может показаться. Подход радикальный, этого не отнять.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: «Может показаться»?! То вы рассовывали наши гостайны по грузовикам да кораблям, то теперь уговариваете вверить судьбу страны в руки людей, которые решили головоломку?!....., умоляю, скажите, что я просто недопоняла вас.

....., МИ-5: Поверьте, я сначала отреагировал так же. Дослушайте до конца.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Госпожа министр, все куда серьезнее, чем кажется. Позвольте представить доктора Портер, ведущего нейробиолога Данстонского института. Процедура – ее детище, она объяснит подробности.

ДОКТОР ПОРТЕР: Госпожа министр, на экране не просто головоломка, а сложное наложение трехмерных изображений, букв, разноцветных фигур и цифр – и все движутся в разные стороны. Целью этого испытания служит проверка способностей мозга: запоминания, скорости решения задач, наблюдательности и разграничения информации из зрительного и слухового отделов. Для людей с так называемой синестезией здесь нет ничего трудного. Что наш мозг осилит за несколько часов или дней – если вообще осилит, – их обработает за считанные секунды.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: У моей соседки по комнате в годы учебы была синестезия. Это когда в музыке видишь цвета или время принимает форму, так? Она божилась, что при взгляде на фотографии чувствует вкус, как и от звуков.

ДОКТОР ПОРТЕР: Вот-вот. Синестезия встречается у одного на примерно двести восемьдесят тысяч человек. Считается, что это своего рода сбой в мозгу, замыкание, из-за которого сенсорные стимулы перемешиваются. Мозг состоит из четырех частей – а у некоторых синестетов все они с рождения тесно связаны. Эта девиация и позволит им раскусить головоломку быстрее любого компьютера.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Пугает меня это ваше «девиация»...

ДОКТОР ПОРТЕР: Нам она только на руку. Судя по исследованиям, у лучших мозг способен иметь дело с огромными массивами информации, в том числе закодированной. Как вам известно, нас «от» и «до» определяет ДНК – микроскопические молекулы. Мы уже умеем представлять в виде кода что угодно: изображения, голос – всё. Представьте, сколько информации можно уместить на одной-единственной цепочке ДНК. Эквивалент семидесяти миллиардов дискет. Четыре года мы с командой переводим тайны из госархивов в двоичный код и уже в состоянии записать его на ДНК, а затем поместить в отдел мозга, ответственный за память и способность к обучению.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Носители смогут получить доступ к данным?

ДОКТОР ПОРТЕР: При желании, но они будут специально выдрессированы, чтобы никогда этого не пожелать. ДНК с кодом поместят в наименее используемые участки мозга в пластиковом импланте – шарике. Там содержимое рассеется, а собрать его можно будет только в условиях нашей лаборатории – мы вернем его в имплант. Третьему лицу шарик не передать, достать его невредимым из тела смогут только наши специалисты. Через пять лет он разложится, и все секреты исчезнут из памяти носителей.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: К тому времени наши системы уже будет не взломать.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Если имплант такой крошечный, можно его спрятать. Ведь можно? Куда угодно? Где точно не украдут. Хотя бы не в человека, а... в животное?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Рассматривали. Пригоден только человеческий мозг. Да и если спрятать в другом месте, в любом случае останется след, – а там и до взлома рукой подать.

ДОКТОР ПОРТЕР: А тела взлому не подвержены. Да и кому придет в голову искать секреты в человеке?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Люди могут оступиться, могут перейти на другую сторону...

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Вышколенные? Маловероятно. Шанс измены незначителен, мы рассчитали. Не устоят перед желанием начать новую жизнь под другим именем, причем с круглой суммой на счету. Только сначала – месяцы усердных тренировок и перестройки сознания необходимым образом. Их научат взвешивать риски и действовать по ситуации, никому не верить и, если загонят в угол, убить или отдать жизнь за страну. Приоритет – защитить себя и ценную информацию. А спустя пять лет мы поможем им переехать куда душе угодно и щедро вознаградим.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: А если их вычислят и будут пытаться?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Операция на соматосенсорной коре и таламусе снизит болевой порог. Сломают ногу – не почувствуют. В договоре о найме все прописано в подробностях, можете изучить.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: А если кому-то захочется продать наши тайны, что тогда?

....., МИ-5: Подписка о неразглашении государственных тайн не даст. Поставят проект под удар – навлекут последствия на своих друзей и родных. Мы напомним лишний раз. Выбор наказаний большой:....., и, в крайнем случае.....

Предателя объявят врагом государства.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: А как вы планируете отбирать кандидатов?

ДОКТОР СЭДИ МАНН: Через СМИ и рекламу в интернете. У кого быстрее результат, тот и осилит наши тайны. По закону о борьбе с терроризмом нам доступна интернет-история всех британцев. Аналитики просмотрят телефоны, рабочую и домашнюю сети – всё! – и соберут о кандидате досье: кто такой, к чему склонен. Так мы найдем самых подходящих и пригласим на встречу. Вот полный перечень всего, что кандидатам предстоит пройти.

**** ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ раздает всем присутствующим по копии документа ****

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Что же после подготовки? Вы спрячете носителей?

....., МИ-5: Им предоставят полную свободу – в пределах Британских островов.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: А, и за ними будет надзор, так? Вживите им по маячку в запястье, как детям?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Слежки не будет. Кто скрыт от нас, скрыт и от врага. Я один буду осведомлен об их новых личностях и, в общих чертах,

местонахождении.

....., МИ-5: Канал связи будет один. Есть такой сайт – «ReadWell», самый большой книжный форум в мире, двадцать миллионов зарегистрированных. Наши нейроносители будут регулярно его проверять, и в случае опасности мы пошлем зашифрованную команду прибыть в конспиративный дом.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Да уж... Уильям, вы наверняка подсчитали, какой выкуп у нас гипотетически могут запросить?

УИЛЬЯМ ХАРРИС: Экономика на подъеме, мы уже пятнадцатые в списке богатейших стран... Один-два триллиона фунтов.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Мне нужно время все взвесить.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Время – непозволительная роскошь, увы. После налета на грузовик наши тайны опять под угрозой.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Вы все, наверное, рады, что в случае провала вашего бредового плана за банкротство страны отвечать мне... Это вам не на Ближний Восток по голословным обвинениям вторгнуться, не референдум по Брекситу объявить, не за действия при коронавирусе отвечать. Тут пощады не жди.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Не спорю. Но и вы поймите: наши программисты и инженеры не в силах за один день остановить Хакерский коллектив, обезопасить ключевую инфраструктуру и с нуля создать защиту без единой лазейки. Четыре-пять лет для такого – минимум. Нейроносители обеспечат нам достаточно времени на подобную разработку.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: И скоро планируется первый этап?

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Скоро, только технические детали утрясем.

ДОКТОР ПОРТЕР: Будем готовы через несколько месяцев.

ЭДВАРД КАРЧЕВСКИ: Сроки называть пока рано...

ДОКТОР ПОРТЕР: Готова поручиться собственной репутацией.

УИЛЬЯМ ХАРРИС: Госпожа премьер, сейчас противник на шаг впереди. Нужно это менять – обезопасить сегодняшний день вкупе с завтрашним. Только так мы защитим нашу свободу.

Часть II

ДОГОВОР О НАЙМЕ

Я, [ВПИСАТЬ ИМЯ], был (-а) выбран (-а) в качестве кандидата для участия в операции « ». Я добровольно соглашаюсь стать биологическим вместилищем конфиденциальной информации, затрагивающей: Соединенное Королевство, его территории, его государственных союзников и противников.

Я осознаю, что мое участие в программе является секретным и попадает под действие Закона о неразглашении государственной тайны.

Подписывая данный договор, я соглашаюсь стать объектом медицинских процедур (см. перечень ниже), выполненных квалифицированным персоналом, действующим от имени и по распоряжению правительства Его Величества.

В список вышеозначенных медицинских процедур входят:

внедрение генетически модифицированной ДНК, содержащей конфиденциальные данные, в пирамидальные клетки лимбической системы[10 - Гипотетический контур из некоторых структур головного мозга, отвечающий, как считают сторонники этой гипотезы, за приспособление организма к окружающей среде.] головного мозга подписывающего;

инвазивная стимуляция нейронов с целью улучшить способности обучения и ориентирования в неожиданных и/или стрессогенных условиях;

физическое воздействие на таламус с целью значительно снизить восприимчивость к физическим и эмоциональным болевым воздействиям / воздействиям на сознание;

дальнейшая психологическая адаптация и переобучение.

Данные процедуры были объяснены мне в полной мере, включая:

1) полную методику осуществления;

2) возможные побочные эффекты, такие как: кровоизлияния, депрессия, тревожность, паранойя, шизофрения; снижение болевого порога и сужение эмоционального спектра, ведущие к повреждениям организма, причинению вреда себе и окружающим, бесплодию.

Взамен за предоставление своих услуг Его Величеству и государству я, будучи нейроносителем, получу вознаграждение, позволяющее мне в течение пяти лет жить в предварительно выбранном месте на территории Соединенного Королевства. Я обязуюсь соблюдать все правила и директивы, в числе которых:

отказаться от прошлой жизни, контактов с семьей, коллегами, друзьями и т. д.;

вести себя естественно, не навлекая излишних подозрений;

исключить выходы в Сеть во избежание оставления цифрового следа;

ни одним из возможных способов не разглашать конфиденциальные данные, которыми я обладаю.

МОИМ ПРИОРИТЕТОМ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ, ИМПЛАНТИРОВАННОЙ В МОЙ ГОЛОВНОЙ МОЗГ. ОТКРЫТОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ ДАННОГО ДОГОВОРА И МЕТОДИЧЕСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ МНОЙ ВО ВРЕМЯ ПОДГОТОВКИ, ПРИВЕДУТ К МОЕМУ ОТСТРАНЕНИЮ ОТ ПРОЕКТА И, ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ, УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ МОЕЙ СЕМЬИ ИЛИ МОЕМУ ЛЕГИТИМНОМУ УСТРАНЕНИЮ.

Дата _____ Подпись _____

Засвидетельствовано:

Дата _____ Подпись _____

Глава 11

Флик, Олборо, Саффолк

Имя: Флик Кеннеди

Настоящее имя:.....

Возраст: 36

Предыдущая работа: ресторатор

На иждивении находятся: -

Сильные стороны: быстрообучаема, адаптируется к новой обстановке, верна Родине.

Слабые стороны: совестлива, склонна к глубоким размышлениям и самокопанию.

Прибрежный город, куда направлялось беспилотное такси, неожиданно накрыла летняя гроза. По лобовому стеклу ползли крупные дождевики, что не мешало Флик наслаждаться окружающим пейзажем.

Местных жителей внезапная непогода ничуть не смутила: облачившись в дождевики, они как ни в чем не бывало перечерчивали равнины по найденным тропкам. А вот поросята под жестяными навесами не могли не позабавить, до того смешно жались друг к другу. Здешний мир не имел ничего общего с Лондоном – клеткой, откуда Флик вырвалась сегодня утром. Здесь можно было вздохнуть полной грудью.

С тюдоровским шармом[11 - Имеется в виду, что неотъемлемой частью городского ландшафта являются постройки в тюдоровском стиле (кон. XV – нач. XVII вв.), прежде всего частные дома незнатных людей – фахверковые, т. е. такие, при строительстве которых видный снаружи деревянный каркас заполняется каменно-кирпичным строительным материалом.] Олдборо она вскользь познакомилась много лет назад, приехав отмечать сюда тридцатилетие Хейди, подруги Тео. Те выходные не могли не запасть в душу. Не случилось шумной попойки, как представлялось, – только мирно погуляли по пляжу, посидели в кофейне, сытно пообедали в пабе, не забыв отведать местную гордость, дары моря.

Новая личность означала новое место жительства, и Флик предоставили выбор: все британские земли к вашим услугам, кроме родного Лондона. Первым на ум пришел Олдборо. В душе тускло зажглась надежда, что местный дух безмятежной полудремы разожмет хватку хронической столичной депрессии.

Надо сказать, четыре месяца физической и умственной перестройки не прошли для ее психики даром. Она по-новому взглянула на себя нынешнюю и прежнюю, пересмотрела жизнь «до» – словом, вымела из головы весь мусор. Отныне

Кристофер Бейли не станет отравлять ей прошлое, настоящее и будущее.

– Такси, остановка, – приказала Флик, и машина осторожно свернула к стоянке на набережной.

Флик поднесла к терминалу черную кредитку без опознавательных знаков, и дверь разблокировалась. Такую карточку выдали всем нейроносителям – неотслеживаемая и фактически безлимитная. Приятное подспорье для новой жизни. Из багажа у Флик с собой был только синий холщовый рюкзак с самым необходимым. С остальным имуществом пришлось попрощаться. Оно отправилось на безымянный склад где-то в Уэльсе.

Распрощаться пришлось и с родными-близкими. Раскрыть им правду было никак нельзя – вместо этого команда спецов оповестила всех от лица Флик, что та едет в путешествие на неопределенный срок и свои похождения будет выкладывать в соцсети. В «Инстаграме» и «Фейсбуке» уже висели первые сфабрикованные фото. Геолокацию и переписки предоставили боту. Банковский счет, ипотеку, свидетельство, права, удостоверение личности – все, хоть как-то связанное с прежней Флик Кеннеди, заморозили.

Прошлую личность планомерно стерли без следа: одежда и духи теперь были других марок, в любимые супермаркеты ни ногой, цвет лака поменялся; даже прежние любимые напитки в кафе и барах стали табу. Что взять с собой в новую жизнь, Флик решала сама.

Она невозмутимо вышла под дождь и потянулась в нагрудный карман за сигаретами. Пусто. И сигареты отныне под запретом. Но горбатого, как известно...

Флик зашагала по галечному пляжу к сравнительно спокойному Северному морю. Из бескрайних полей в столь же бескрайнюю водную гладь тянулась радуга. Азарт подмывал броситься вперед и вплавь отыскать ее конец, но Флик лишь разулась и с закатанными штанами помочила ноги у берега.

На ее лице появилась улыбка – гостья из такого далекого прошлого, что она давным-давно о ней позабыла.

На счастье, с последнего визита главная улица Олдборо почти не изменилась. Не сдать городок акулам рынка значило отдалить местный бум онлайн-торговли и позволить независимым предпринимателям дышать полной грудью – явление откровенно редкое в стране. Магазины одежды, художественные салоны, книжные лавки бок о бок с кофейнями, пабами и закусочными – и всё вживую, лицом к лицу, без цифрового душка.

Заглянув в кафе, Флик заказала травяной индийский чай и потянулась за выданным стандартным мобильником. То был единственный разрешенный гаджет, имевший доступ только к «ReadWell», крупнейшему в мире книжному сайту. Изо дня в день там кипело общение миллионов книголюбов, постилась критика. Флик отыскала на сайте тему, посвященную пьесе Шекспира «Два знатных родича»[12 - Шекспир является не автором, а соавтором этой пьесы – как официально, так и согласно литературоведческому консенсусу.]. Пусто. Добрый знак. Будь там зашифрованный комментарий, это значило бы, что в результате Карчевски сворачивает миссию и созывает всех в явочный дом. Событие, близкое к невозможному, уверили ее.

Предстояло подыскать себе жилище. В конце главной улицы нашлось цифровое табло со списком всех коммерческих объектов района. О том, чтобы скинуть информацию на телефон, как предлагал экран, и речи быть не могло, так что расположение хостелов и гостевых домов пришлось запоминать по старинке. Подойдет самый непримечательный, подумала Флик, и через две минуты достигла нужного места.

Дом оказался двухэтажный, вроде бы два входа-выхода, в окне табличка «комнаты сдаются». Дверь армированная, над крыльцом камера – с виду, единственный девайс на всю округу, не считая распределительного кабельного бокса через два дома. Внутри, наверное, тоже не изобилие техники. Подходит.

В садике красовались резные деревянные фигуры, по периметру тянулись кусты желтых роз, в середине – грядки с овощами. Кирпичные стены были цвета морской волны, а с веранды открывался живописный вид на водный простор. Ничего общего с модерновой лондонской конурой. Лучше не придумать.

Флик постучалась в дверь и краем глаза поймала свое отражение в окне. В такой форме она не помнила себя лет с двадцати, когда еще ходила на тайский бокс. Курс самообороны и регулярные занятия в спортзале принесли плоды: на лице, как в юности, выточились скулы, а в карих глазах вспыхнул давно потухший огонек.

Дверь открыла девушка в мешковатой одежде и с небрежным пучком. Странно. Хозяйка никак не вязалась с домом.

– Добрый день. Есть комнаты?

– Есть, конечно, прошу! – обрадовалась девушка и затянула Флик внутрь. – Хотите посмотреть?

Флик обвела взглядом гостиную. Пестрые грошовые обои в цветочек, занавески с диваном в тон.

– Нет-нет, мне подходит.

– У нас тут как будто клумбу по стенам разметало, да?

– Свой шарм есть.

– Вообще-то все мамино. Она скончалась в том году от Альцгеймера. Ровно за две недели до того, как лекарству дали зеленый свет и оно поступило в продажу.

– Соболезную.

– Да... да. – На секунду девушка красноречиво потупила глаза. Рана еще кровоточила. – Дом теперь на мне, пока не решу, что с ним делать. Ну, или пока цветочки не доконают... Я, кстати, Грейс.

Пожав Флик руку, она рассказала о комнатах: какие удобства, сколько за день.

– Надолго вы к нам? – добавила Грейс.

– Да без понятия. – Флик пожала плечами.

– Гм... Запишем пока на неделю?

– Давайте.

Устроившись в комнате, Флик убрала одежду из рюкзака в старый дубовый шкаф. Затем приоткрыла форточку и распласталась на кровати поверх расшитого махрового покрывала.

Закрыв глаза, она втянула полной грудью соленый морской воздух и медленно выдохнула. Даже здесь, в четырех стенах, он словно ласкал кожу.

«Вот как пахнет счастье», – проскользнуло у нее в мыслях.

Глава 12

Чарли, Манчестер

Имя: Чарли Николлс

Настоящее имя:.....

Возраст: 25

Предыдущая работа: графический дизайнер

На иждивении находятся: -

Сильные стороны: целеустремлен, общителен, педантичен, собран.

Слабые стороны: своенравен, временами склонен к спонтанности.

Чарли открыл шторы по всему гостиничному номеру на пятидесятом этаже.

Вручную погасив свет – голосовое управление вкупе с вай-фаем отключил заранее, – он устремил взгляд в окно на закатную манчестерскую дымку. Затем, сбросив махровое полотенце с бедер, уперся лбом в стекло и провел пальцами по рельефному торсу. Прикрыл глаза, и в мыслях возникла картинка: он летит к земле и вдруг воспаряет и несется над городом вдаль.

– При умственных перегрузках воображайте, что летите, – рекомендовал психотерапевт проекта. – А перегрузки на первых порах будут частым явлением. Считайте, что это такой самогипноз и простейшее успокоительное.

Ветер подхватил его тело и швырнул к небу. Чарли кружил над Манчестером, пикируя и взмывая вверх, – и никто его не замечал, и не было конца его полету.

Он открыл глаза и выпрямился. Раньше Чарли стеснялся своей наготы, да сейчас кто мог его увидеть в самом высотном здании центра? Разве что какой-нибудь дрон... Но Чарли обучили уходить от слежки – дрон остался бы ни с чем.

Новая внешность, легенда, новая жизнь закономерно привели к тоске одиночества, какая не захлестывала его даже в родном Портсмуте. Тогда он таил надежду, что спасение придет со стороны и откуда ни возьмись появится смысл жить.

Сейчас вся надежда захла на корню.

До сегодняшнего утра Манчестер представлялся Чарли совсем не таким. Едва город разросся до второго крупнейшего в стране, весь шарм его старинной архитектуры закатали под плотный слой неона, рекламы и ЖК-экранов. Деньги есть деньги – какое теперь городу дело до старья? На каждом углу отныне мелькали картинки, в транспорте реклама вообще подстраивалась под список твоих покупок в телефоне. О Чарли они, впрочем, обломали зубы – автобус у станции Пикадилли не смог проникнуть в его выданную допотопную «раскладушку» и дважды прокрутил рекламу прокладок для сидящей впереди женщины.

Отель «La Maison du Court» первым попался на глаза, когда Чарли бродил по городу с рюкзаком за плечами. Уходящая в небо высотка встретила его мраморным фойе и аквариумами во всю стену, тут и там красовались свежие цветы в вазах, а за стойкой портье шумел искусственный водопад. Не гостиница – дворец. Заслуженные пять звезд, явление для Чарли откровенно непривычное. Благо проектная карточка позволяла пожить на широкую ногу – значит, ничто не мешало войти в новую жизнь с шиком.

На время обучения Чарли отрезали от остального мира. Сейчас он лежал в горячей ванне с пеной и проглядывал новостной канал. Для того, кому всю сознательную жизнь новости выдавал голосовой помощник по первому же запросу, занятие это казалось очень необычным, если не сказать старомодным. Как и бумажные газеты, и обычные, железные дверные ключи.

Придется переучиваться.

В момент, когда у Чарли забурлило в животе, дверь в номер резко распахнулась. Он уже было дернулся за полотенцем, но напрасно: тележка оказалась автоматическая. Меню предлагало на выбор фермерское мясо либо лабораторное, подешевле, выращенное из животных клеток. Решив себя побаловать, Чарли заказал самый дорогой телячий стейк.

Здорово, наверное, было бы разделить эту роскошь с кем-нибудь. Однако стул напротив безжалостно пустовал.

Чарли зашел на единственный доступный в телефоне сайт – «ReadWell». По счастью, обновлений в теме по шекспировским «Двум знатным родичам» не было.

Проглотив последний кусочек нежнейшего стейка, он нарисовал перед глазами старых друзей – Стелфокса и Трэвиса. Видели бы они его: сидит в люксе, который за ночь встал бы им в недельную зарплату, и уплетает дорожное мясо!

Чарли молча поднял стакан минералки за товарищей.

Набив желудок, он отослал тележку обратно на кухню и подошел взглянуть на себя в зеркало ванной. И вид его удовлетворил. Хвала каждой пластике, теперь можно было не прикрывать щетиной рябой подбородок. Он скользнул пальцами

от груди к животу – подтянутым, рельефным мышцам. Еще бы, после скинутых двадцати кило! Чарли по полной выкладывался в спортзале и на рукопашных спаррингах, учился стрельбе у бывших спецназовцев. Даже с вредной едой завязал. Все, чтобы привести Себя Нового в порядок.

Много ли еще, интересно, нейроносителей набрали? И согласился ли кто-нибудь, как он, на косметические процедуры? На месте кривых зубов теперь красовались новенькие белоснежные протезы, дважды ломанный на футболе нос выпрямили как по линейке. Татуировки на груди, руке и левой ягодице – ошибки молодости – свели лазером. Он потер пальцами друг о друга. До чего они стали гладкие после удаления отпечатков! Чарли ощущал себя совершенно новым человеком.

Каким и был.

Зевнув, он погасил свет и опять подошел упереться лбом в стекло. Затем прикрыл глаза и во второй раз отдал себя на волю воздушных потоков.

Глава 13

Шинейд, Сандерленд

Имя: Шинейд Келли

Настоящее имя:.....

Возраст: 33

Предыдущая работа: оператор по космическому мусору/офисный работник

На иждивении находятся: -

Сильные стороны: хорошо оценивает возможные риски, последовательна, собрана.

Слабые стороны: сердобольна, склонна к самокопанию, гипертрофированное чувство вины.

Спустя четверть часа подъема в горку Шинейд наконец-то достигла вершины холма близ Сандерленда.

Последний раз она была здесь лет двадцать назад с подругами Имани и Келли. Все триста миль от ее родного Бристоля они не давали пасть духом подруге, несущей на этот холм две урны красного дерева с прахом родителей. Сегодня у нее с собой был только букетик красных и белых гвоздик.

В Сандерленде ее родители осели на первое время после переезда из Ирландии, и было символично развеять их прах именно здесь, у этого северо-восточного города, после того как они погибли в мумбайском цунами, унесшем две тысячи жизней. По пальцам можно пересчитать людей, знающих правду о том утре на индийском побережье. Шинейд входила в их число. Из всех доверенных ей тайн эта оказалась самой мучительной.

Ветер лизнул ее щеки и поиграл нарощенными до плеч волосами. Прическу она попросила изменить в первую очередь – до того ей опротивела многолетняя короткая стрижка, которую так любил Дэниел. Прежние сухие мышинные волосы превратились в жгуче-каштановые, с мелированными прядками; Шинейд не могла поминутно не запускать в них пальцы. И волосы были только началом. Лазерная коррекция позволила забыть про очки, а боевые тренировки и пилатес придали телу тонус. Она легонько коснулась пальцами пересаженных ресниц и чуть-чуть потянула, проверяя их на прочность. Раньше так и стала бы выдергивать их с корнем по две-три за раз, пока слезы не польются ручьем. Теперь же это было ни к чему.

Видел бы ее сейчас Дэниел... хотя наверняка все равно к чему-нибудь придрался бы.

За время подготовки Шинейд обучилась не одной полезной технике – в том числе вспомнила, как правильно дышать. Больше она не хватала воздух судорожными рывками, а набирала воздух медленно, всей грудью и диафрагмой – и так же выдыхала. Полезный и простой способ вернуть себе хладнокровие и собраться с мыслями.

Шинейд уже приспособилась к тому, что мысли у нее либо о тренировках, либо о важности миссии – на другое не хватало времени. Ей впервые предоставили полную свободу... и толком непонятно было, как с ней поступить. Иди куда душе угодно, делай что хочешь – когда Шинейд в последний раз обладала такой роскошью?

Придется привыкать.

В том числе и к тому, что с Дэниелом все кончено. Она уже давно перестала видеть в нем родного человека, но простить годы манипуляций и давления было не так просто.

«Почему я все спускала ему с рук? – гадала она время от времени. – А если бы проявила твердость, спасло бы это наш брак?»

Не спасло бы, ответил психиатр. Брак был обречен с самого начала. Ее потребность в любящей душе после гибели родителей наложилась на его тягу к принуждению и контролю, рождая взаимозависимость, а вовсе не духовную связь. И без Джоанны вряд ли что-то изменилось бы.

Куратор Карчевски поделился, что спустя пять дней после ее ухода Дэниел заявил в полицию об исчезновении жены. Как долго прождал... Надеялся, наверное, что она вернется с поджатым хвостом.

Как бы не так, размечтался!

– А если Дэниел решит меня искать? – спросила она.

– Останется ни с чем.

– Я его знаю. Он так просто не сдастся.

– За ним на этот случай установлена слежка. Частного сыщика, которого он нанял, мы убедили, что вы сейчас осели где-то в Европе. Пусть ищут ветра в поле. После обучения даже мы вас найти не сможем, а он и подавно. Ехать к нему или нет – решать только вам.

Джоанна наверняка уже узнала об их разрыве – из пересудов, само собой. Дэниел в жизни не признается публично, что его бросили. Скорее всего, пустил какой-нибудь грязный слухок.

– Пусть лучше рассказывает, что я пол-Бристоля ублажила, – поделилась она с психиатром. – Хочу, чтобы меня запомнили свободной, а не затравленной, как было на самом деле.

Утром перед отъездом из комплекса Шинейд купила новенькую обычную машину и уложила в багажник припасы для долгой дороги. А прежде всего послала Джоанне открытку с крупным «Спасибо!» на лицевой стороне. Пустую. Она наверняка поймет, от кого.

Жизнь понемногу собиралась в цельную картинку на манер онлайн-головоломки, которую Шинейд разгадала в день ухода от мужа. В день, когда собралась с духом и позвонила по номеру, предлагавшему новую жизнь. Спустя час она держала забронированный на свое имя билет до лондонской станции Бристоль-Темпл-Мидс; в городе ее уже ждал номер в отеле. Утром наступил час икс – собеседование с комиссией. Как кстати все сложилось: терять-то ей теперь было нечего – и некого. После череды обследований и анализов ее перевели на следующий этап, и денек закрутился.

Шинейд прислонила букет к валуну в траве холма, затем окинула последним взглядом город. Через несколько часов ей суждено пересечь границу Шотландии, оставляя прежнюю жизнь за спиной. Призракам прошлого не омрачить настоящее – таков теперь был ее закон. Конец самобичеваниям, отныне на ошибках она только учится. Прощение всем, кто берет и не отдает взамен, как Дэниел, и прощайте навеки, кого пришлось утратить. Прощайте все.

За одним исключением.

Шинейд не забудет ту, что открыла ей глаза.

Глава 14

Эмилия

– Да что я вообще о себе знаю? – вслух спросила Эмилия, затем заглавными буквами вбила свое имя в планшете, который ей оставил Тед.

Начала было печатать фамилию и вдруг замерла в недоумении: а как она пишется?

Шла ее вторая неделя в больнице на юге Лондона. Тьма обследований и процедур ни на шаг не приблизили ее к пониманию себя прошлой и настоящей.

Кое-что, впрочем, выяснилось опытным путем. Кино и телевизор Эмилию не соблазняли, а вот классическая музыка – другое дело. Одеваться она предпочитала закрыто, напоказ себя не выставляла. Интуитивно знала, как работает медаппаратура в палате.

И была убеждена, что своего мужа раньше в глаза не видела.

Эмилия понадеялась, что хоть интернет прольет свет на тайны ее личности, однако «Гугл» упорно молчал. «Амазон», «ЛинкдИн», всяческие медиа – глухо. Даже по селфи ноль совпадений.

За открытой дверью палаты возник ее муж в сопровождении двух широкоплечих громил. Телохранителей, как вчера обмолвился Тед. От дальнейших расспросов он благополучно ушел. Эмилия и его имя «погуглила» – и вновь ничего.

Факт брака значит, что во всем свете тебя знают вдоль и поперек двое: ты и твой партнер, так? Теоретически так, однако Эмилия и близко не видела в Теде вторую половинку. Влечения не было, бесконечные расспросы с его стороны действовали на нервы, сам он ответов почти не давал. Если чем-то и покорила ее в прошлом, то сейчас ну никак не притягивал к себе.

Когда он заглянул вчера после обеда, Эмилия притворилась спящей и в результате услышала, как тот в коридоре расспрашивал доктора Чаудари о ее состоянии. Муж, не муж – она совершенно не помнила этого человека и закономерно побаивалась после выписки попасть к нему в руки. В больнице ей было сравнительно спокойно. Уж точно куда спокойнее, чем в том первом месте, где Эмилия пришла в себя. Взгляд ее скользнул по крышам в окне и по

территории больницы. Что же будет дальше? До чего пугала неизвестность!

– Вспомнила еще что-нибудь? – Тед ободряюще улыбнулся.

Она помотала головой. Почему-то ей вдруг стало на редкость совестно.

– Нет, извини.

– Да брось, всё в порядке. – Он погладил ее руку, будто все это пустяки, которыми лучше не забивать себе голову.

Пустяки, как же... Только этими размышлениями сейчас и стоило «забивать голову».

* * *

Тед нес от кассы самообслуживания больничного кафетерия тосты, черничный кекс и кофе для Эмилии – сказал, ее любимый завтрак, – и банан с апельсиновым соком для себя. Сев, потянулся к ее рукам. Вчера подобная интимность застала ее врасплох, сегодня же Эмилия успела убрать руки под стол.

– Что самое давнее помнишь? – начал он.

– Говорила уже: как прихожу в себя непонятно где.

– И не знаешь, как там оказалась?

– Не знаю. Помню только, что нужно было бежать, но от кого, зачем?.. А еще мне почему-то были известны коды для дверей, так что я была там не первый раз. – Перед глазами замелькали образы, и сердце подскочило. – Тед, умоляю, расскажи обо мне, что знаешь!

– Солнце, сама понимаешь, врач запретил вот так с ходу – перегрузим нервную систему... Просто будем вдвоем, а там от знакомых картинок и память вернется, вот увидишь.

– Да ты подумай: открываешь глаза невесть где, а в голове – пустота! На слово веришь, что замужем, хотя мужа не узнаешь, и о прошлом он упорно молчит. Знаешь, каково мне?

– Представляю. Честное слово.

– Нет, не представляешь.

– А мне, что ли, легко? Не каждый день с женой такая беда случается. Но доктор Чаудари сказал нам...

– Да не нам он сказал, а тебе одному, потому что я спала. Пришлось опять поверить на слово.

– А какой смысл мне врать? По-твоему, я рад твоей амнезии?

Эмилия устало вздохнула. Глотнув кофе, она потупила глаза.

– Не рад, конечно... Не обижайся. Просто мы ходим, ходим кругами, а память никак не возвращается. Туман в голове!

Она с силой сглотнула – напрасно, ком в горле как был, так и остался. По щекам покатались слезы. До чего неприятно было расклеиться на глазах чужого человека, но удержать себя в руках не вышло. Тед вновь потянулся к ее рукам – на этот раз беспрепятственно. Нежное прикосновение его теплых пальцев на удивление утешило. Близкая они, интересно, пара?

– Слушай, а может, не все так мрачно? – осторожно продолжил он. – Кто-то вообще убить готов за возможность начать жизнь с чистого листа, без груза прошлого. Ты ее получила не нарочно. Живи как хочешь, будь новой. Скажи, заманчиво?

Ответ нужно было подобрать с осторожностью. Если согласится нажать кнопку перезагрузки, что же муж? Оставить его за спиной или взять с собой в новую жизнь? Эмилия с минуту поразмыслила, прежде чем твердо ответить:

– Нет.

Тед несколько поник и отпустил ее руки с задумчивым видом, будто тщательно искал слова.

– Ну ладно, если ты настроена твердо, я расскажу.

Эмилия затаила дыхание.

– Ты родом из Сент-Неотса, Кембридж, – продолжил он. – Четвертого ноября тебе будет тридцать семь. Твои родители, Элисон и Ричард, умерли с разницей в два года, когда тебе было под тридцать; отец – от рака поджелудочной, мать – из-за осложнений после операции на сердце. Нас с тобой свели общие друзья двенадцать лет назад; притянуло нас, прости за штамп, как магнитом. Пару лет спустя мы тихо расписались в Нью-Йорке, единственным свидетелем был фотограф. Детей нет – не для нас это, мы оба согласились. По работе меня часто заносит в Европу, а ты сама раньше работала в банке «Барнетт-Винсент». Живем мы с собаками: Райли Блю и Пегги. Дом выстроен по нашему личному проекту.

Эмилия вытянулась по струнке, жадно ловя каждое слово. Только вот ни одно не находило отклика в душе, будто Тед говорил о ком-то другом. В ответ на ее явное сомнение он достал из кармана мобильник и открыл «облако» с фотографиями. Вот со свадьбы, а-ля репортаж, на заднем плане видны пестрые бруклинские фрески. Вот еще, и видео, – совместные и до знакомства. Эмили вручают диплом, она с родителями в детстве; а вот фото с пляжей по всему миру. Жизнь по всем признакам насыщенная, полная приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Роман «1984»; перевод. В. Голышева.

2

Легендарное здание в стиле ар-деко, увековеченное на обложке альбома «Animals» группы «Пинк Флойд».

3

Места расположения резиденций британского парламента и премьер-министра соответственно.

4

Речь идет о Кристофере, маньяке-убийце из романа Дж. Маррса «The One. Единственный».

5

Синестезия – особенность высшей нервной системы, при которой существует неразрывная связь различных областей восприятия, в норме не связанных; графемная синестезия – такая, при которой знаки письменности (графемы) воспринимаются не сами по себе, а как сцепленные с другими явлениями, например с цветовым спектром или пространственными координатами; здесь

идет речь как раз о последнем случае, так называемой числовой линии (индивидуальной для каждого синестета), когда числа видятся занимающими строго определенное место в пространстве.

6

Т. е. ссылкой-приманкой (англ.), размещенной в рекламных или вредительских целях.

7

Выход Великобритании из Евросоюза, осуществленный зимой 2020 года.

8

Внешний биомеханический каркас, усиливающий (или восстанавливающий) различные характеристики тела.

9

Исследовательский центр химико-биологического оружия близ г. Солсбери.

10

Гипотетический контур из некоторых структур головного мозга, отвечающий, как считают сторонники этой гипотезы, за приспособление организма к окружающей среде.

11

Имеется в виду, что неотъемлемой частью городского ландшафта являются постройки в тюдоровском стиле (кон. XV – нач. XVII вв.), прежде всего частные дома незнатных людей – фахверковые, т. е. такие, при строительстве которых видный снаружи деревянный каркас заполняется каменно-кирпичным строительным материалом.

12

Шекспир является не автором, а соавтором этой пьесы – как официально, так и согласно литературоведческому консенсусу.

Купить: https://telnovel.com/marrs_dzhon/code-nositeli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)